

Михаил Дмитриев

БРЕСТСКАЯ УНИЯ: 300 ЛЕТ СПУСТЯ

**(религиозный опыт галицийских переселенцев в Канаду,
рубеж XIX и XX вв.)**

В настоящей статье мы попробуем рассмотреть в перспективе “времени большой длительности” (“la longue durée”) вопросы, которые имеют большое значение для адекватного понимания истории украинско-белорусской Греко-католической церкви и её роли в истории Восточной Европы. А именно: как понималась уния и особенности Греко-католической церкви её прихожанами 300 лет спустя после посольства Ипатия Потя и Кирилла Терлецкого в Рим в 1595 г. и Брестского собора 1596 г.? как выглядело религиозно-церковное (конфессиональное) самосознание греко-католиков в конце XIX в.? Разумеется, мы ограничимся только, так сказать, “зондажем” этих неизученных вопросов. Этой цели послужит редкий и очень репрезентативный источник – материалы судебного разбирательства начала XX в. между украинскими греко-католиками и униатами, перешедшими в православие, по поводу прав владения храмом в местечке Стар, в канадской провинции Альберта. Документ, на который мы опираемся, представляет собой машинописную копию протоколов судебного разбирательства, предпринятого в ходе этого процесса¹. Этот документ хранится в архиве прихода церкви Рождества Богородицы в селении Ниску западноканадского штата Альберта, и в 1996 г. он был любезно предоставлен мне для изучения хранителем этого архива, профессором университета Альберты Кириллом Холденом, которому я выражаю мою глубокую признательность. Источник представляет собой машинописную копию судебного протокола (на 248 с.), которая была сделана по просьбе приходского священника в Ниску отца Константина Стаховского в 1964 г.

Неизученность приходской жизни, особенностей религиозной культуры и конфессионального самосознания греко-католиков Украины и Белоруссии, их христианских верований и представлений – то есть того, что составляет в последние десятилетия предмет одного из самых продуктивных направлений историографии истории христианства в Европе – одно из наиболее заметных белых пятен в истории

¹ *In the Supreme Court of the North-West Territories. Northern Alberta Judicial District. Between Reverend Iwan Zaklynsky, Pavlo Pasemko and Petro Melnyk, Trustees of the Congregation of the Greek Catholic Church at Star, Alberta, N.W.T... and Members of the said Congregation, Plaintiffs, suing on behalf of themselves and all the other Members and Adherents of said Congregation, – and Reverend Iwan Korchinski, Michailo Polushe, Ivan Pylypiw, and Michailo Melnyk, Defendants. Appeal Case. C. Dew. MacDonald, Advocate, for Plaintiffs. Short, Cross, Biggar and Ewing, Advocates for Defendants. Edmonton, 1904.*

Греко-католической церкви. Тем не менее источники для изучения поставленного вопроса имеются, и их введение в научный оборот внесёт, видимо, много нового в существующие концепции истории Греко-католической церкви и соответствующей конфессиональной культуры. Наши материалы – хороший тому пример.

Судебный процесс о церкви в Старе

Предметом спора между двумя группами прихожан одной и той же церковной общины в местечке Стар (позднее – Эдна), недалеко от Эдмонта, была построенная в Старе прихожанами церковь, на владение которой претендовали обе группы верующих. Церковь в Старе считается первой украинской церковью в Канаде².

Церковная община Стара состояла из галицийских эмигрантов, которые появились в Канаде в начале 1890-х гг.³ Галицийцы составляли около 80% первой волны переселенцев из австрийских владений, а остальные 20% приходились на русинов-буковинцев, которые были православными⁴.

Предыстория судебного разбирательства такова⁵. Группа переселенцев из Галиции, прибывшая в Альберту в 1892–1896 гг., образовала общину в Старе⁶. Прибыв в Канаду, бывшие галицийские крестьяне впервые оказались во всех отношениях свободны. Как выразился один из участников процесса, они очутились в стране, где не существует понятия “обязан”⁷. Первая группа переселенцев была очень малочисленной. Они жили первоначально в крайней бедности (женщины постоянно просили подаяния у зажиточных соседей), исключительно тяжелых бытовых условиях, без священника и без совершения таинств⁸, но делали быстрые успехи в освоении выделенных земель.

В 1896 г. вокруг Стара было уже около 30 галицийских семей. Они образовали церковную общину и решили построить церковь и пригласить священника⁹. Однако в Канаде того времени ещё не было греко-католического епископа. Обращаться же к

² В. Kazymyра, V. Kysilevsky, I. Tesla. Ukrainians in Canada. Church Life // *Ukraine. A Concise Encyclopaedia*. Ed. by V. Kubijovyc. Toronto, 1971. Vol. 2. P. 1162

³ V. Kaye. *Early Ukrainian Settlements in Canada, 1895–1900*. Toronto, 1964. Pp. 318-360. О начальном этапе украинской эмиграции в Канаде см.: O. Martynowych. *Village Radicals and Peasant Immigrants: The Social Roots of Factionalism among Ukrainian Immigrants in Canada, 1896–1918*. Winnipeg, 1978 (машинопись диссертации на степень магистра; библиотека ун-та Альберты, Канада).

⁴ В. Kazymyра, V. Kysilevsky, I. Tesla. Ukrainians in Canada. P. 1160

⁵ Предыстория процесса и основные его этапы представлены в обосновании итогового вердикта Палаты лордов в Лондоне (*House of Lords and Privy Council. 1908*. London, 1910. Pp. 65-81) и в статье: M. Stobie. Pope and Czar on the North Saskatchewan // *The Beaver*. 1989. April–May. Pp. 5-15. См. также: М. Г. Марунчак. *Історія українців Канади*. Вінніпег, 1968. Т. 1. С. 106-110.

⁶ Весьма подробные сведения о том, как возникла церковная община в Старе содержатся в показаниях одного из ее лидеров – Василя Феняка. (*In the Supreme Court*. Pp. 100-110) и в показаниях ряда других участников процесса – Федора Мельника; Михаила Полюши; Ивана Пилипиwa; Стефана Чичака; Ивана Сачмана (*Ibid*. Pp. 110-117, 125-129, 130-140, 140-142).

⁷ “...no must”. Лорд Макнотен (Lord Macnaghten), член палаты лордов выразился так: “They seem to have intoxicated with their freedom” (*House of Lords and Privy Council. 1908*. P. 72).

⁸ Представление о этом можно составить в частности, на основе донесений отца Камнева и отца Александрова, православных миссионеров в Канаде. С копиями этих донесений меня любезно ознакомил проф. Холден.

⁹ В 1898 г., по сведениям русского миссионера Александрова, в районах, прилегающих к Стару, было уже около 300 семей (*In the Supreme Court*. P. 125). По другим сведениям – 400 семей (*Ibid*. P. 138)

римо-католическому епископу будущие прихожане Стара не захотели. Община обратилась к епископу Русской православной церкви в Америке Николаю с просьбой прислать священника. Епископ Николай ответил на их письмо и обещал приехать сам и прислать священника. Два миссионера – Александров и Камнев – посетили летом 1897 г. общину. Прежде них общину посетил греко-католический священник Н. Дмитриев. Община получила в декабре 1897 г. разрешение использовать участок земли для строительства храма, предназначенного, по терминологии соответствующего документа, “для Греко-православной церкви”¹⁰. На эту же землю претендовал католический епископ Легаль (Bishop Grandin of St. Albert), который сумел каким-то образом зарегистрировать ее в январе 1898 г. как собственность Католической церкви¹¹. Прихожане однако добились возвращения земли именно им, потому что католическому епископу подчиняться не желали. Они пригласили священника Ивана Жаклинского, который прибыл в Стар 15 июля 1900 г. Когда же трое руководителей прихода¹² и считавшие себя православными прихожане узнали, что Жаклинский придерживается учения Католической церкви, они обратились к православному епископу с просьбой прислать нового священника, и в ноябре 1900 г. в Стар прибыл с Аляски П. Корчинский. Начались конфликты между двумя священниками и стоявшими за ними двумя группами прихожан. Они запретили друг другу служить. Православного священника обвинили в том, что он требует присяги повиновения русскому царю. Обе группы прихожан обратились к адвокатам. Начавшиеся судебные процессы тянулись до 1908 г.

Но конфликт не ограничивался судебными инстанциями.

В 1901 г., в воскресенье Пасхи, те, что считал себя Греко-католиками (униатами), и другие, считавшие себя православными, столкнулись у церкви в Старе. Жаклинский и его прихожане пришли раньше. Потом прибыл Корчинский вместе с 20 прихожанами под охраной полиции, которая велела Жаклинскому пропустить православных, потому что у них был патент на использование церкви. Корчинский прошел внутрь церкви, а Жаклинский прочитал молитвы вне ее. Однако его прихожане криками помешали службе. Под охраной полиции Корчинский покинул церковь.

После этого конфликта судебная тяжба вступила в новый виток. Адвокаты православных подготовили заявление от имени прихожан, что их клиенты по праву управляют собственностью приходской церкви и что они не переставали быть членами Греко-католической церкви, потому что Русская православная церковь есть то же самое, что Греко-католическая, и что священник не побуждал своих прихожан к присяге на верность царю и к несоблюдению канадских законов.

На это адвокат другой стороны ответил заявлением, его клиенты считают, что Греко-католическая церковь и Русская православная церковь – две совершенно

¹⁰ “... to be used in the erection of a church building for the mission of the Greek Orthodox Church” (*House of Lords and Privy Council. 1908. P. 65*).

¹¹ “... in trust for the purposes of the congregation of the Greek Catholic Church at Star” (*Ibid. Pp. 65-66*).

¹² Старосты (trustees) – то есть как бы приходской совет, который владел ключами от церкви и приходской казной.

разные церкви, что главой одной из них является папа, а главой другой – царь, что Корчинский требовал присяги на верность царю как главе церкви.

Судебные слушания начались в мае 1902 г. и продолжались с перерывами до сентября 1903 г., заняв в общей сложности 33 дня. Церковь тем временем была опечатана.

Главным предметом судебных прений стал вопрос о соотношении греко-католической конфессии с православной. Этот вопрос вызвал массу затруднений у судей, в том числе и на последнем апелляционном этапе в Лондоне. И именно благодаря этому обстоятельству судебный процесс в Эдмонтоне представляет особый интерес для историка унии и Греко-католической церкви.

В ходе процесса адвокат греко-католиков Макдональд добился административного решения в пользу униатов. Православные его опротестовали в Верховном Суде Северо-Восточных территорий Канады. Решение было принято в пользу православных. Следующая церковная инстанция, Верховный суд Канады, решил спор в пользу греко-католиков. Наконец, в 1908 г. суд Палаты лордов в Лондоне (Канада оставалась ещё частью Британской империи) вынес окончательное решение в пользу православных.

Судебный процесс в Старе стал лишь одним из первых звеньев длинной цепи подобных конфликтов. Чтобы увидеть, насколько значителен и характерен этот эпизод, следует составить представление о главных линиях и коллизиях в развитии Греко-католической и Православной церкви на североамериканском континенте в начале XX в.

Греко-католическая и православная церковь в Северной Америке в конце XIX – начале XX вв.

Материалы по истории церковной жизни галицийских эмигрантов в Северной Америке¹³ позволяют судить и о том, каков был характер христианской культуры восточнославянских греко-католиков к исходу XIX века и как, в частности, трехсотлетнее пребывание в унии с Римом сказалось на их конфессиональном самосознании. Однако именно этот вопрос до недавнего времени не был изучен¹⁴, хотя работ по истории Греко-католической и Православной церкви в Канаде довольно много¹⁵.

¹³ В. Kazymyра, V. Kysilevsky, I. Tesla. Ukrainians in Canada. Pp. 1151-1193 (библиография); V. Markus. Ukrainians in the United States // *Ukraine. A Concise Encyclopaedia*. Vol. 2. Pp. 1100-1151 (библиография). Об украинской эмиграции в Канаде в конце XIX – начале XX вв. см.: О. Войценко. *Літопис українського життя в Канаді*. Вінніпег, 1961. Т. 1; V. Kaye. *Early Ukrainian Settlements in Canada...*; J. Petryshyn. *Peasants in the Promised Land. Canada and the Ukrainians, 1891–1914*. Toronto, 1985. Первые галицийские переселенцы прибыли в Канаду в 1891 г., а к 1919 г. в Канаде было около 200 тыс. украинцев (О. Martynowych. *Village Radicals and Peasant Immigrants*. P. 61).

¹⁴ Это отмечено в недавней публикации П. Юзыком (P. Yuzyk. *La vie religieuse // Un patrimoine en pleine mutation. Essais sur l'histoire des Canadiens ukrainiens* / Sous la dir. de M. R. Lupul. Ottawa, 1984. P. 160, 186. Note 5).

¹⁵ P. Yuzyk. *The Ukrainian Greek Orthodox Church of Canada, 1918–1951*. Unpublished PhD Diss., University of Minnesota, 1958; П. Божик. *Церков українців в Канаді*. Вінніпег, 1927; М. Г. Марунчак. *Історія українців Канади*. Вінніпег, 1968. Т. 1. С. 103-128; О. Martynowych. *Village Radicals and Peasant Immigrants*. Pp. 123-177. См. также: о. І. Патріло. *Джерела і бібліографія історії української церкви*. Рим, 1975–1993. Ч. 1-13.

Одно из самых характерных и, казалось бы, неожиданных явлений в церковной истории украинской эмиграции – очень значительный отток эмигрантов из Греко-католической церкви в Православную. В Соединенных Штатах в 1891–1917 гг. в Русскую православную церковь перешли 163 греко-католических прихода и более 200 тыс. выходцев из украинских земель¹⁶.

Конфликт между Католической церковью и украинским греко-католическим духовенством в Америке стал открытым уже в 1891 г., когда Алексей Товт, женатый униатский священник из Закарпатья, не был признан католическим архиепископом Миннесоты, и перешел вместе со всем приходом в Русскую православную церковь. Его примеру последовали многие другие священники и приходы, и к 1911 г. уже более 82 приходов и 20 тыс. выходцев из Галиции перешли в православие¹⁷. Такой быстрый рост числа православных можно отчасти объяснить неуступчивостью Ватикана, который не только запретил служить женатым священникам, но и подчинил в 1897 г. греко-католических священников Северной Америки юрисдикции католических епископов. В 1901 и 1902 гг. униатское духовенство на двух специально организованных встречах выразило протест против “латинского господства”. Переходы в православие стали более частыми. В этих условиях в 1907 г. Рим поставил греко-католическим епископом в США василианского монаха Сотера Ортынского.

В Канаде конфликты между униатским духовенством и католическим епископатом были менее острыми, чем в США. С 1902 г. в Канаду стали прибывать на постоянную работу униатские священники и монахи-василиане, а в 1912 г. греко-католическим епископом Канады был поставлен Н. Будка. В 1913 г. состоялся съезд униатских духовенства в Иорктоне, принявший специальные “Правила”, регулировавшие деятельность Греко-католической церкви в Канаде¹⁸.

Русская православная церковь тем временем перенесла резиденцию епископа из Сан-Франциско в Нью-Йорк и шире развернула миссионерскую работу среди украинцев, получая на нее около 78 тыс. долларов в год от Синода.

В самом начале XX века в Канаде развернул активную деятельность самозванный епископ Серафим, действуя от имени Русской православной церкви. Его сторонники заявляли, что им за два года удалось вернуть из унии в православие 60 тыс. прихожан. Когда же “епископ” Серафим был разоблачен, его бывшие сторонники создали “независимую Греческую православную церковь” в Канаде, которая продолжала успешно вербовать сторонников среди греко-католиков¹⁹.

¹⁶ V. Markus. *Ukrainians in the United States*. P. 1109. Мартинович приводит другие цифры: К 1914 г. 43 из 100 тыс. членов Русской православной церкви в Америке были бывшими греко-католиками (O. Martynowych. *Village Radicals and Peasant Immigrants*. P. 135). По данным П. Юзыка, в 1916 г. Русская православная церковь в США и Канаде насчитывала 110 приходов, 64 священника и 117 тыс. верующих (P. Yuzyk. *La vie religieuse*. P. 165). Автокефальная Русская православная церковь в Америке в 1960-е годы насчитывала около 600 тыс. прихожан в США и Канаде (V. Markus. *Ukrainians in the United States*. P. 1118).

¹⁷ O. Martynowych. *Village Radicals and Peasant Immigrants*. P. 135.

¹⁸ P. Yuzyk. *La vie religieuse*. Pp. 162-165.

¹⁹ Ibid. P. 165-167.

Деятельность официальной русской православной миссии в Канаде была особенно успешной в 1905–1911 гг., когда ее отделение в Виннипеге возглавлял Арсений Чеховцев. В 1910 г. в Манитобе было 27 православных приходов, а в 1916 г. во всей Западной Канаде их было уже 110²⁰. Чеховцев стал издавать в Виннипеге газету “Канадийская нива”, в которой О. Мартинович находит много “пан-русской пропаганды”, а после отъезда Чеховцева из Канады его дело в Виннипеге продолжал Виктор Гладик, а в Эдмонтоне – Василь Черняк. Эти издания провозглашали лозунг “Единая и неделимая Россия – единая русская православная нация”²¹.

Последующие годы – вплоть до 1950–1960-х гг. – отмечены острыми конфликтами и очень сложными отношениями между отдельными церквями и церковными группами в Канаде и США. Их соперничество и столкновения все более тесно переплетались с политической борьбой.

Как бы ни оценивать позиции сторон в этой борьбе, итогом был переход десятков тысяч греко-католиков в православие. Это явления нас интересуют в данном случае лишь постольку, поскольку помогает понять, какова была глубина воздействия унии и греко-католической церкви на массовое сознание украинско-белорусского населения. Вопрос этот можно ставить для каждого из столетий, последовавших за Брестским собором 1596 г. Но только обращаясь к истории унии среди украинцев-эмигрантов мы можем быть уверены в “чистоте” поставленного историей эксперимента, так как здесь не было ни церковного, ни государственного давления на греко-католиков.

Каковы причины этого явления? Чаще всего их усматривают в миссионерской деятельности Русской православной церкви в Америке, в схожести языка и обрядов двух церквей, конфликтами между униатским духовенством и римо-католической иерархией в Северной Америке, в нежелании мирян передать в руки духовенства распоряжение церковным имуществом и собственностью религиозно-общественных организаций²². Возможны ли иные объяснения? Есть ли основания предполагать, что в Америке вышли наружу те противоречия, которые обнаружили в эпоху “русофильства” в Галиции и не развернулись в полной мере благодаря принятым Ватиканом и австрийским правительством мерам? Вопрос этот имеет большое значение для правильного понимания исторической и культурной роли Брестской унии. Но дать убедительный ответ на него можно будет только тогда, когда появятся специальные беспристрастные исследования по истории православной церкви в США и Канаде, да и по истории униатской церкви в целом в XVIII–XIX вв., особенно по истории приходской жизни и конфессионального самосознания прихожан. История религиозных раздоров среди галичан в Эдне-Старе в 1897–1902 гг. позволяет сделать небольшой шаг в этом направлении.

²⁰ O. Martynowych. *Village Radicals and Peasant Immigrants*. P. 136. Однако эта статистика совершенно не согласуется с той, которая предложена П. Юзыком.

²¹ Ibid. О русофильской прессе Канады см.: М. Г. Марунчак. *Історія українців Канади*. Т. 1. С. 287–295.

²² V. Markus. *Ukrainians in the United States*. Pp. 1109, 1115; P. Yuzyk. *La vie religieuse*. P. 165; O. Martynowych. *Village Radicals and Peasant Immigrants*. P. 135.

Религиозный опыт галицийских переселенцев в период до их эмиграции в Канаду

Решение украинских эмигрантов обратиться за священником к православному епископу было продиктовано опытом религиозной жизни в Галиции. Соответствующие прямые показания участников процесса представляют исключительную ценность для историка. Как сами прихожане характеризовали свои религиозные убеждения и представления?

Один из примеров – показания Василя Феняка²³.

В Галиции, насколько я знаю, наряду с моей церковью есть и римско-католические церкви... Там где я жил, есть только одна церковь, в которую ходят Русины... Живя в Галиции, я никогда ничего не слышал об униатах. Я слышал, что мы все – православные (“I heard that we were all “Pravoslavni”)... Служа в армии я ходил в церковь, которая называлась “греко-католическая церковь”. Служба в ней была такая же, как и в церкви в Небылях (родная деревня Феняка. – М. Д.)... Я знаю, что это была православная церковь, потому что священник во время службы в двух местах употреблял слово “православный”. Моя церковь называлась православной, поскольку эти слова употреблялись в службе. Я слышал о конфликтах в Галиции между римско-католической и греческой церковью. Я слышал, что правительство часто арестовывало людей в той части Галиции, рядом с Галицией и Буковиной, потому что они утверждали, что не находятся под властью папы римского. В молитве в нашей церкви там, где появляется слово православный, – произносится молитва за папу римского. Я произносил ее, потому что обязан был это делать. Я боялся сказать, что я – не под властью папы римского. Я все время знал, что папа римский стоит во главе нашей церкви²⁴. Иисус Христос – глава нашей церкви. Ее же глава на земле – Греко-католический православный епископ в синоде. Я не знаю, где находится синод. В Галиции мы говорили или пели в “Верую”, что Дух Святой исходит от Отца и от Сына, но мы никогда не верили в это. То есть я никогда не верил в это²⁵.

²³Василь Феняк, один из лидеров церковной общины, прибыл в Альберту в 1894 г. из Галиции и уже в 1895 г. предпринял шаги для строительства церкви. В. Феняку было в момент эмиграции 27 лет. Он был грамотным и вообще развитым человеком. Встречавший поезднее Феняка греко-католический священник Н. Дмытрив сообщал, что Феняк приехал в Виннипег, имея значительную сумму денег (450 долларов), сразу же купил 3 лошадей, 2 коровы, трех телят, телегу, плуг и пр. и очень успешно хозяйствовал (Н. Дмитрів. *Канадійська Русь. Подорожні спомини*. Вінніпег, 1972 (“Українська Вільна Академія наук. Джерела до історії українців Канади”. Ч.1). С. 37-38. Из собственного рассказа Феняка видны его глубокие религиозные убеждения – он стал заботиться о создании церкви уже через год после прибытия в Альберту (*In the Supreme Court*. P. 103).

²⁴ Контекст записанного высказывания В. Феняка показывает, что имелось в виду “я знал, что папа считается главой нашей церкви”.

²⁵ “I said it because I had to. I was afraid to state that I was not under the Pope. I knew all the time that the Pope of Rome was the head of our church. Jesus Christ is the head of our Church. Its head on earth is a Greek Catholic Orthodox Bishop at the Synod. I do not know where the Synod is. In Galicia we said or sang in the Creed that the Holy Ghost proceeded from the Father and the Son, but we never believed it. I mean that I did not believe it.” (*In the Supreme Court*. P. 103).

Не менее интересно то, как характеризовал свои религиозные взгляды неграмотный Федор Мельник²⁶. Он был родом из села Пиригинско (Puryhynski) в Галиции. Здесь были две церкви для “русинов”. Он посещал и ту, и другую, а также церковь в Небылях, и знал Василия Феняка.

Насколько я знаю, все Русины в этой части страны принадлежали к той же церкви, что и я. Все поляки Галиции принадлежат к латинской церкви. В Галиции была одна русская православная церковь, во Львове. Я узнал о ней, когда был в армии. Я никогда не был в этой церкви. У меня никогда не было никаких трудностей с моим священником в Пиригинском в том, что касалось веры. Я посещал службы, потому что должен был это делать, мне нужно было иметь куда пойти помолиться, и это было единственное место, куда можно было пойти. Мы знали, что это неправильно (грех). Я не знаю, как я узнал, что это неправильно. Я не знаю, что было неправильно в вере в Галиции. Я теперь говорю, что у них было два святых духа в Галиции, а должен быть только один²⁷. В символе веры, который я привык произносить в Галиции, я употреблял слова “Дух Святой, который исходит от Отца и от Сына²⁸”.

Не умевший ни читать, ни писать Михайло Полюши²⁹ говорил во время процесса:

Я не знаю никакой другой религии” кроме ‘греко-католической православной’³⁰. Это та религия, которую я исповедовал в Галиции, но там мы должны были быть под Римом и мы были бы наказаны, если бы не делали этого. Я знал в Галиции, что папа назывался ‘греко-католическим православным’. Он назывался православным, потому что в одной части службы мы молились за всех православных христиан³¹.

Иван Пылыпив³² – приехал в Канаду из Небылей. Он заявил, что знал многих других, кто выступал в процессе в качестве истцов.

Я никогда не слышал ни о каких религиозных спорах в Галиции. Все тамошние русины посещали одну церковь. Поляки посещали другую церковь. Я привык слышать в наших службах молитву за папу. Живя там, я слышал

²⁶ Федор Мельник: “I cannot write or read nor can I sign my own name”.

²⁷ Ibid. P. 115 (“I followed the service there because I had to, I had to go somewhere to pray and was the only one to go to. We knew ourselves that it was wrong. I do not know how I knew that it was wrong. I do not know what was wrong with the creed in Galicia. I now say that they have two Holy Ghosts in Galicia and there should be only one”).

²⁸ Ibid P. 115.

²⁹ Ibid. P. 225.

³⁰ Ibid. P. 127.

³¹ Ibid. P. 127.

³² Иван Пылыпив (1859–1936?) – едва ли не самый известный из галицийских эмигрантов первой волны. Он и Василий Еленяк (Илиняк) считаются первыми украинцами в Канаде. Они прибыли в Монреаль 7 сентября 1891 г. (М. Г. Марунчак. *Біографічний довідник до історії українців Канади*. С. 508). Иван Пылыпив мог “немного читать и писать” (“ I can read and write a little” – *In the Supreme Court*. P. 223). Сам Пылыпив считал себя “делегатом” односельчан, приехавшим в Манитобу прежде, чем поселиться в Альберте. Из Манитобы он вернулся в Галицию. Здесь был арестован и приговорен к месячному заключению за рассказы о Канаде и пропаганду идеи эмиграции в Америку (Ibid. P. 130). В 1930-е гг. И. Боберский записал рассказ И. Пылыпива об его первом посещении Канады и возвращении в Галицию (см. *Спомини про переживання перших українських переселенців в Канаді / Зібрав і написав Василь А. Чумер*. Едмонтон, 1942. С. 17-23), но об основании церковной общины в Старе там не говорится.

только об одной церкви в нашем народе – о русской (руської? – редакція)*. Я никогда до приезда в Америку не слышал названия ‘униатская церковь’, пока отец Корчинский не объяснил нам этого на собрании. Я никогда не слышал о том, чтобы наша церковь была униатской церковью. Наша церковь в Галиции называлась русской церковью, но священник во время службы употреблял слово ‘православные’.

Стефан Чичак приехал в Альберту в 1892 году. В Небылях он был певчим в церковном хоре. “Книги церковного пения, которые мы употребляли в нашей церкви, были из России.” В них было отмечено, что они напечатаны в Киеве. “Священник говорил нам прятать эти книги, если бы приехал митрополит или епископ. Про себя Чичак говорил: “Я – русский (русин. – М. Д.) и принадлежу к Русской церкви”. Поскольку он знал, что церковные книги приходят тоже из России, нужно предположить, что, называя себя русским, он считал русинов-украинцев принадлежащих к тому же “народу”, что и русские в России. При этом он не отличал украинцев-малороссов от русских³³.

Слова Чичака о том, что “русские книги” прятались при приезде епископа подтверждаются и показаниями М. Мельника³⁴. Высказывания Михаила Мельника интересны еще и тем, что он подчеркивает отсутствие поляков и католических священников в той местности, где он жил³⁵. Таким образом, его неприязнь к католикам не вытекала из опыта непосредственного общения с ними.

Иван Сачман³⁶ жил в Галиции недалеко от Львова и принадлежал “к той же церкви в Галиции, что и остальные русские (русины. – М. Д.) Галиции... Мы называли нашу церковь греко-католической православной церковью. Наш священник всегда называл нас православными христианами. Слово “православный” употреблялось в молитве и в богослужебном благословении в выражении “все православные христиане”. Поэтому мы называли нашу церковь “православной”³⁷.

Особенно характерны показания Ивана Лакусты, который отвечал на прямо поставленные вопросы адвокатов обеих сторон.

Иван Лакуста³⁸, не умевший ни читать, ни писать³⁹, жил в Галиции в деревне Завалье под Снятиним, посещал как и все, “русскую церковь” и не сталкивался ни

* Від редакційної колегії. Тут і далі, перекладаючи на російську з англійської мови, Автор здебільшого використовує етнонім “русский”, рідше “руський”. Наведені ним далі уривки англійського тексту не дають ясної відповіді на питання, який етнонім насправді вживали галицькі емігранти: “русский”, “руський”, “русский” чи ще якийсь інший, і наскільки адекватно він був переданий в англійському перекладі їх свідчень.

³³ *In the Supreme Court*. P. 140 (“I am a Russian and I belong to the Russian Church. I was a singer in the Church at Nybylu. The singing books we used in that church were from the Russian country. I know this because they stated that they were published in Kiev. The priest told us to put book away if the Metropolitan or a Bishop came”).

³⁴ *Ibid*. P. 188 (“when the Bishop came we had to hide all the Russian books”).

³⁵ *Ibid*. P. 187-188.

³⁶ Иван Сачман – пользовался репутацией одного из самых образованных среди галичан (*Ibid*. P. 187, отзыв М. Мельника).

³⁷ *Ibid*. P. 141

³⁸ Иван Лакуста привез с собой 400 долларов, купил волов, две коровы, телят, овец, плуг и телегу и вскоре стал крепким хозяином (Н. Дмитрів. *Канадійська Русь. Подорожні спомини*. С.39)

³⁹ *In the Supreme Court*. P. 157.

с какими конфликтами на религиозной почве за исключением вопроса о “податях”, платимых в Рим. “У нас постоянно были свары, потому что нас принуждали платить подати папе”⁴⁰. Поскольку священники получали содержание от государства, прихожане были уверены, что собираемые в церкви деньги идут в Рим⁴¹. “В старой стране мы были под гнетом поляков и под папой римским”⁴². На вопрос, кто составлял правящий слой в Галиции, Лакуста ответил: “поляки и евреи”⁴³.

Итак, видно, что некоторые греко-католики, живя в Галиции, не считали себя униатами; не желали находиться под властью Рима; рассматривали себя как “православных греко-католиков” или просто православных; осознавали не только отличия своего богослужения от католического, но и близость, если не идентичность обрядов униатской церкви с православными обрядами; употребляли в богослужении книги, напечатанные в России.

По всей видимости, практически все галичане (даже те, кто не желал перейти в православие) считали свою церковь отличной от католической и приравнивали римо-католическую конфессию к “польской вере”.

Каков был религиозный опыт, приобретенный украинскими выходцами в Канаде? Почему он сделал возможным переход части из них в православную церковь?

Религиозный опыт галицийских переселенцев в Канаде

Первым священником, посетившим галичан, был отец Нестор Дмытрив⁴⁴, приехавший на Пасху 1897 г. – уже после того, как община обратилась с письмом к епископу Николаю в Сан-Франциско.

Дмытрив пробыл здесь неделю и провел несколько служб. В течение 3 дней он исповедовал 159 человек и крестил 25 детей. Дмытрив представился как греко-католический священник и был воспринят как священник “нашей” церкви наравне с “нашим” русским православным епископом из Сан-Франциско.

⁴⁰ “We had a row every little while because we were forced to pay taxes to the Pope” (Ibid. P. 156).

⁴¹ “When they collected it they said: “This is to go to Rome”. They took the money out of the church and said that they had to send it to Rome” (Ibid. P. 157).

⁴² “because in the old country we were under the yoke of the Poliacks and under the Pope of Rome” (Ibid. P. 149).

⁴³ “Q.: In Galicia who are the governing class? A.: The Poliacks and the Jews” (*In the Supreme Court*. P. 161). Приблизительно также выразился М. Мельник: “The Polacks and the Jews are ruling Russia” (Ibid. P. 188).

⁴⁴ Отец Нестор Дмытрив (1863–1925) был одним из 5 греко-католических священников, находившихся в Канаде в 1897–1902 гг. Другими были Павел Тымкевич, Дамаскин Поливка, Иван Жаклинский, Василий Жолдак. Нестор Дмытрив прибыл в Канаду из США и был временно назначен представителем канадского правительственной эмиграционной службы в Виннипеге (В. Kazymyра, V. Kysilevsky, I. Tesla. *Ukrainians in Canada*. Church Life. P. 1152). Он был призван в Канаду из США епископом Альберты Легалем с санкции епископа Виннипеге Ланжевена. В конце 1890-х гг. он уехал обратно в США (Л. Білецький. *Українські піонери в Канаді. 1891–1951*. Вінніпег, 1951. С. 24–26). О Дмытриве см.: М. Г. Марунчак. Нестор Дмитрів, перший літописець українців Канади // Н. Дмитрів. *Канадійська Русь. Подорожні спомини*. С. VII–X; V. Kaye. *Early Ukrainian Settlements in Canada, 1895–1900*. P. 380).

Согласно показаниям Ф. Мельника, во время богослужения в церкви отец Дмытрив “сказал людям, под каким гнетом они были прежде, но теперь они приехали в свободную страну и здесь нет польского гнета. Когда он говорил это, все люди плакали”⁴⁵. Дмытрив тоже писал, что переселенцы плакали во время богослужения, а сам он не выдержал и расплакался во время проповеди⁴⁶.

В материалах судебного процесса не раз говорится, что Дмытрив (как и приехавший после него отец Тымкевич) призывал ничего не брать от католического епископа⁴⁷. Эти сообщения подтверждаются косвенно и самим Н. Дмытривым. В своих путевых заметках, впервые опубликованных в 1897 г., он пишет об увиденном им в Виннипеге “проклятом разделении наших русинов на обряды”. Русины латинского обряда, окруженные “колькома пыскатами поляками”, отделяются от своих братьев, кумов и соседей. Польский священник приезжает каждый год и исповедует и причащает “гуртом всех, хто попаде до французского костела”. Поэтому ради вероисповедных, национальных и организационных целей “наш священник” уже в этом году должен быть в Виннипеге. Н. Дмытрив предупреждал, что не удовлетворив религиозные нужды “наших русинов” немедленно, трудно будет исправить положение в течение даже 10 лет⁴⁸. Острая критика “польского шовинизма” и латинизации звучит и в других фрагментах его записок. Он пишет, что за морем особенно ясно видно, как латинский обряд ведет к полонизации “нашего народа” и выражает убежденность, что “энергичная опека” народа со стороны “сознательной интеллигенции” приведет к ликвидации через несколько лет даже следов “польско-латинского влияния”, потому что “люди латинского обряда из восточной Галичины – абсолютно не поляки. Они говорят по-русски, они молятся по-русски, бьют поклоны”⁴⁹.

В записках Н. Дмытрива говорится, что при нем “был избран комитет, который после жатвы должен заняться строительством церкви и дома для будущего священника”⁵⁰. Иван Пылыпив подтверждал, что во время приезда Дмытрива обсуждался вопрос о строительстве церкви⁵¹.

Вскоре после посещения общины Дмытривым, в июне 1897 года в Стар прибыли два православных миссионера, посланных епископом Русской православной церкви в Сан-Франциско Николаем – о. Александров и о. Камнев⁵².

⁴⁵ *In the Supreme Court*. P. 111 (Федор Мельник).

⁴⁶ Н. Дмитрів. *Канадійска Русь. Подорожні спомини*. С. 19, 35; о том же говорит и о. Александров в своих отчетах в Синод.

⁴⁷ Однако Иван Пылыпив сообщал, что Дмытрив говорил, что можно принять помощь от Легалья, но нельзя подписывать никаких бумаг (*In the Supreme Court*. P. 139).

⁴⁸ Н. Дмитрів. *Канадійска Русь. Подорожні спомини*. Вінніпег, 1972. С. 8.

⁴⁹ Там же. С. 21

⁵⁰ Там же. С. 35

⁵¹ *In the Supreme Court*. P. 130.

⁵² Отец Александров был русским православным священником и миссионером, родом из Украины. Он был поставлен в священники 1900 г. и подчинялся епископу Николаю. Его миссия охватывала громадную территорию штатов Орегон, Вашингтон, Монтана, Айдахо, Британскую Колумбию. Александров впервые прибыл в Альберту вместе с Камневым в июне 1897 г. Затем оба миссионера посетили Альберту в 1898 и 1899 гг., в 1900 г. Александров приехал один (*Ibid*. P. 117).

Александров и Камнев сказали о себе, что они – “русские священники” и отслужили несколько служб под открытым небом, около дома Федора Немирского⁵³.

По словам Федора Мельника, “все Русины этих краев и некоторые римокатолики присутствовали на службе”⁵⁴. Об участии всех окрестных русинов в богослужении говорили и другие участники процесса.

Из перечисляемых Феняком имен видно, что в богослужении принимали участие и те, кто потом встал на сторону Жаклинского (Спачинский, Петр Мельник). Более того, именно Спачинскому Александров вручил после службы крест и книгу. Спачинский же обратился к Александрову от имени общины с просьбой прислать постоянного священника. По словам Ивана Галкова, Спачинский говорил про себя: “Я – православный”⁵⁵; по словам Михаила Мельника, Спачинский заявил: “Я первым стану православным русским человеком”⁵⁶. Александров в ответ на это попросил составить список просителей, чтобы передать его епископу и обещал сделать все возможное, чтобы прислать священника. Список был составлен на следующий день Спачинским, который объехал поселенцев, собирая их заявления⁵⁷. По словам Феняка в это время в округе проживало около 100 семей, и среди них было много буковинцев. Тогда же было решено начать строительство церкви. Первоначально ее предполагали построить около хутора Немирских, но жители Стара сказали, что это слишком далеко для них. Было решено строить общими силами церковь сначала в Старе, а потом в районе хутора Немирских. По свидетельству Галкова, часть денег на строительство церкви в Востоке было прислано из Сан-Франциско⁵⁸.

По словам Александрова, после службы некоторые прихожане (Спачинский, Гавриленко, Михаил Мельник и др.) рассказывали им “длинные и патетические истории об их страданиях в прежней стране”⁵⁹. Они рассказывали о преследованиях, в которых поляки служили главным инструментом. Они говорили, что рады быть теперь в свободной стране и считают о. Камнева и о. Александрова своими братьями⁶⁰. Спачинский заявил, что теперь они могут быть независимы от Рима⁶¹.

Сами же священники, как заверял Александров, подробно объяснили, кто они такие – то есть, что они – “миссионеры греческой католической церкви или же в

⁵³ Ф. Немирский (1869–1946), выходец из села Улашковцы, Чортковского повета (по другим сведениям – из села Бильше Золоте Боршевского повета). Прибыл в Канаду в 1896 г. с первой организованной группой украинских эмигрантов. Стал в 1899 г. почтальоном на почтовой станции Восток, названной так по его инициативе (М.Г. Марунчак. *Біографічний довідник до історії українців Канади*. Вінніпег, 1986. С. 459) Ф. Немирский считается москвофилом (Л. Білецький. *Українські піонери в Канаді. 1891–1951*. Вінніпег, 1951. С. 24; V. Kaye. *Early Ukrainian Settlements in Canada, 1895–1900*. Toronto, 1964. P. 384).

⁵⁴ *In the Supreme court*. P.116.

⁵⁵ “I am an Orthodox believer” (Ibid. P. 169).

⁵⁶ “I will be the first Russian Orthodox man” (Ibid. P. 176).

⁵⁷ Федор Мельник говорит, что Александров составил какую-то бумагу, и все подписали её. Те кто умел, написали сами, а имена неграмотных записал Спачинский (Ibid. P. 111, 116).

⁵⁸ Ibid. P. 172.

⁵⁹ “long pathetic stories of their sufferings in the old country” (Ibid. P. 118).

⁶⁰ “they also told us... that we were their brothers” (Ibid. P. 118).

⁶¹ Ibid. P. 118.

этом случае – Русской греческой католической церкви, православной церкви⁶²; что мы – русские, и, по истории, их братья и что в наших жилах та же самая русская кровь⁶³. По словам Ивана Галкова Александров представился как малоросс⁶⁴.

В первый и последующий приезды, Камнев и Александров крестили и венчали прихожан. Многие исповедовались и причащались. При этом священники читали проповеди и предупреждали, что нужно отречься от Рима и его заблуждений и заявить о желании следовать “греческой католической вере”. Во второй и следующий приезды они служили уже в церкви⁶⁵. Согласно показаниям многих участников процесса, публичное отречение от папы произошло уже во время первых богослужений, организованных Александровым и Камневым⁶⁶.

Заметно, что Александров не был вполне искренен в отношении галичан и сознательно использовал их неосведомленность в том, каковы различия унии и православия и какое место слова “греческий” и “католический” занимают в самосознании и практике русской православной церкви. Александров намеренно называл себя представителем Греко-католической, а не Русской православной церкви⁶⁷. На вопрос судей, может ли назвать книгу, в которой его церковь называется “греко-католической православной”, сказал, что теперь не припомнит ни одной такой книги⁶⁸. Об униатском священнике Тымкевиче Александров, явно кривя душой, говорил, будто думал, что тот “принадлежал к моей церкви”⁶⁹.

Строительство церкви в Старе началось по инициативе Александрова и Камнева. По словам Федора Мельника именно от них прихожане узнали о возможности получить бесплатно землю и лес⁷⁰. Василь Феняк, Фёдор и Петро Мельники, Течковский, Василь Полюший и Никола Спачинский и другие члены общины собрались вскоре, чтобы предпринять шаги для получения земли для церкви. Было решено обратиться к правительству с просьбой выделить 40 акров земли для церкви. Петиция была подписана присутствующими, Василию Полюши и Ивану Сачману было поручено собрать подписи с остальных. “Во время встречи подразумевалось, что мы будем строить греко-католическую православную церковь”⁷¹. В июле 1897 г. Камнев и Александров подали прошение о выделении участка земли для церкви в Старе⁷².

⁶² “that we were mussionaries of the Greek Catholic church, or in this instance of the Russian Greek Catholic Church, Orthodox Church”.

⁶³ Ibid. P. 118.

⁶⁴ “He said, ‘I am a Mala Rusyn’” (Ibid. P. 173).

⁶⁵ Ibid. P. 119.

⁶⁶ Например: Ibid. Pp. 168, 176, 195-196 и др.

⁶⁷ “I am a priest of the Greek Catholic Orthodox Church”; в визитной карточке однако, было написано: “Missionary of the Greek Russian Orthodox Church” (Ibid. P. 124)

⁶⁸ Ibid. P. 124.

⁶⁹ Ibid. Pp. 124,125.

⁷⁰ Ibid. P. 110.

⁷¹ “We were to build a Greek Catholic Orthodox Church” (*In the Supreme court*. P. 101; о том же – Федор Мельник: Ibid. P. 110)

⁷² “Для русской православной миссии в Канаде” – формулировка письма Камнева и Александрова от 5 января 1898 г. (Ibid. P. 228).

Возникновение конфликта

В сентябре 1897 г. в Стар снова прибыл Дмытрив и вслед за ним Э. Легаль, римско-католический епископ Альберты. Он отслужил службу на латыни и благословил о. Дмытрива на совершение других служб. Епископ Легаль знал о посещении Стара православными миссионерами и призвал прихожан не покидать “его церковь”. Епископ заявил о намерении помочь в строительстве церкви, снабдить общину гвоздями, окнами и дверьми для строящейся церкви, позаботиться об оформлении документов и вообще всячески содействовать общине при условии, что прихожане останутся в своей церкви. Отец Дмытрив переводил выступления епископа и призывал принять его помощь. Оба были приняты с большим почтением, и в службах приняло участие большинство прихожан. Однако от решения пригласить православного священника община не отказалась. В декабре 1897 г. был получен официальный патент на строительство церкви для “миссии Греко-Православной церкви”. В январе 1898 г. епископ Легаль сумел зарегистрировать ту же церковь и участок земли как принадлежащие католической церкви. После этого епископ уехал в Европу.

Строительство церкви не было еще окончено, когда в апреле 1898 г. в Стар приехал униатский священник отец Тымкевич⁷³, который пробыл в Старе около 5 месяцев, отправляя богослужение (Александров и Камнев были в это же время в поселке под названием Восток). “Когда он приехал, он сказал нам, что он – “русский” священник”⁷⁴. По словам Михаила Мельника прихожане приходили к Тымкевичу и спрашивали, подчиняется ли он Риму. Он ответил: “Я не имею ничего общего с римской церковью”⁷⁵ и потребовал разорвать все отношения с католическим епископом Альберты Легалем⁷⁶. Про себя Тымкевич говорил: “Я – русский (русинский, “русский”. – М. Д.) греко-католический православный священник”⁷⁷. По словам Федора Мельника, Тымкевич говорил, что “мы все – православные”. Община, по словам Мельника, была очень довольна Тымкевичем, люди говорили об этом каждый раз после воскресной службы.

По словам Феняка, через неделю после приезда Тымкевича из Эдмонта пришло сообщение о необходимости выбрать доверенных лиц общины. Феняк стал одним из них. Двумя другими были выбраны Полюши и Михаил Мельник. Прибыв в Эдмонтон, они узнали, что Легаль оформил права католической церкви на храм и землю в Старе. Феняк и два его спутника хотели встретиться с епископом, но не были приняты и вернулись в Стар. По словам Михаила Мельника, они передали епископу, что отказываются подчиняться ему (после того, как они не были при-

⁷³ М. Г. Марунчак указывает, что в феврале 1898 г. община Стара послала официальное письмо епископу С. Сембратовичу с просьбой прислать священника и оказать общине материальную помощь, ссылаясь на то, что Русская православная церковь развернула миссионерскую деятельность среди галицийских эмигрантов. Текст письма был опубликован в газете “Свобода” от 24 февраля 1898 г. По предположению Марунчака, ответом был приезд Тымкевича. М. Г. Марунчак. *Історія українців Канади*. Вінніпег, 1968. Т. 1. С. 108). Это маловероятно, потому что Тымкевич приехал в Стар уже в апреле 1898 г. (P. Yuzyk. *La vie religieuse*. P. 162).

⁷⁴ “when he came he told us he was a “Ruske” priest”.

⁷⁵ “I have nothing to do with the Church of Rome” (*In the Supreme court*. P. 180).

⁷⁶ Ibid. P. 101; то же подтверждает Федор Мельник (Ibid. P. 112).

⁷⁷ “I am a ‘Ruske’ Greek Catholic Orthodox priest” (Ibid. P. 101).

няты, по просьбе прихожан переводчик Литке позвонил в резиденцию епископа и передал просьбу общины приехать в Стар; епископ отказался)⁷⁸.

Позднее отец Тымкевич уехал, потому что у общины не хватило средств для его содержания. От епископа же Легалья никакой помощи получено не было⁷⁹.

После этого в Стар по инициативе П. Зварича, был приглашен Иван Жаклинский (Зварич прочитал данное Жаклинским в газете объявление, где он предлагал свои услуги как священник, и предложил позвать Жаклинского в Стар)⁸⁰. Тот же Зварич перед этим писал во Львов с просьбой прислать священника, но не получил ответа. Приглашение было датировано 1 апреля 1900 г. и составлено от имени 40 семей “униатов” (“40 families of Uniates”) и подписано также и теми, кто считал себя православными (Иван Пыльпив, Михаил Мельник, Михаил Полюши, Федор Мельник)⁸¹.

Что известно о Жаклинском? В литературе он часто упоминается как один из первых греко-католических священников в Канаде⁸². Однако представитель Пресвитерианской церкви в Канаде, Маккуин показал во время судебного разбирательства, что Жаклинский был связан с Миссионерским комитетом этой церкви и рассматривался как пресвитерианский миссионер, направленный для работы среди галицийцев Манитобы и Саскачевана. Когда же миссионерский комитет узнал, что Жаклинский служит священником в Старе, он был исключен из числа сотрудников пресвитерианской миссии⁸³.

Когда Жаклинский прибыл в Стар, “он сказал нам, что принадлежит к восточной церкви и что он – греко-католический православный священник”⁸⁴.

По словам Федора Мельника, Жаклинский после первой службы в церкви сказал: “Наша религия происходит от восточно-православной. Западная церковь нас не касается, мы не имеем с ней ничего общего”⁸⁵. Сам же Жаклинский в специальном заявлении от 14 июня 1901 г. утверждал, что не скрывал своей принадлежности к церкви, находящейся в юрисдикции папы римского, по отношению к которому православная церковь находится в твердой оппозиции. Говоря о греко-католической церкви он всегда подразумевал ее связь с Римом и признание власти папы римского. Но в то же время он подчеркивал свою независимость от “французского епископа”⁸⁶.

⁷⁸ Он, якобы, ответил: “The tail cannot wag the cat; the head must be there to wag the tail” (хвост не может махать котом; чтобы махать хвостом нужна голова). На что получил ответ: “You are not our head and we are not your tail” (“Вы не наша глава, и мы не ваш хвост” и требование отказаться от прав на церковную землю – Ibid. P. 181)

⁷⁹ Ibid. P. 102.

⁸⁰ Ibid. P. 182 (М. Мельник).

⁸¹ Ibid. Pp. 212-213; копия пригласительного письма

⁸² В словаре М. Марунчака Жаклинский назван священником УКЦ, прибывшим в 1898 г. в Канаду, которому в Старе пришлось “бороться с враждебной деятельностью Российской Православной миссии среди украинских поселенцев” (М. Г. Марунчак. *Біографічний довідник до історії українців Канади*. С. 240-241).

⁸³ *In the Supreme Court*. P. 208.

⁸⁴ Ibid. P. 101.

⁸⁵ “Our religion comes from the Eastern Orthodox. The Western Church does not concern us; we have nothing to do with it” (Ibid. P. 114).

⁸⁶ Ibid. P. 209.

В чем была причина его конфликта с частью общины?

По объяснению Феняка, дом для священника не был достроен, когда Жаклинский прибыл в Стар, и у общины не было денег для окончания строительства. Деньги были собраны для покупки священнических одеяний и богослужebной утвари⁸⁷. Жаклинский предложил обратиться к епископу Легалю с просьбой о 300 долларах для окончания строительства. Речь шла как бы о залоге церкви на 3–4 года⁸⁸. “Из этого мы заключили, что он – не подходящий для нас человек, раз он хочет послать нас к римо-католическому епископу”⁸⁹. Кроме того, Жаклинский выделил несколько человек из общин и предложил им присягнуть, что они будут делать то, что он скажет. Феняк отказался, отказались и другие⁹⁰.

Жаклинский объявил в церкви, что покидает общину, назвав причиной отказ назначенных им провизоров присягнуть⁹¹. Присяга должна была включать слова: “Я всегда буду истинным униатом и не пойду ни в русскую церковь, ни в римскую”⁹². После этого лидеры общины (Феняк и другие) заперли церковь и запретили Жаклинскому приходить в неё. Специального собрания для выбора или поиска нового священника не проводилось, но, по словам Феняка, все, с кем ему приходилось встречаться, спрашивали, почему он и другие руководители общины не приглашают нового священника⁹³. В другом месте протоколов сказано, что часть прихожан собралась в доме Петра Мельника и приняла решение пригласить нового священника⁹⁴. Было решено пригласить Корчинского, “пока мы не сможем получить священника, который постоянно будет в нашей церкви”⁹⁵. Корчинский прибыл в Стар еще тогда, когда там находился Жаклинский.

Вскоре состоялась встреча Феняка и других с Корчинским в доме Федора Мельника, который прежде выгнал из своего дома Жаклинского. В этой встрече принимали участие и две из будущих истцов – Петро Мельник и Тешковский⁹⁶. “Когда мы попросили отца [Корчинского] быть нашим священником, он сказал: “Вы – униаты”. Мы спросили его, что он понимает под этим словом, и объяснили, что мы – русские (русские. – М. Д.) греко-католические православные”⁹⁷. Он ска-

⁸⁷ Ibid. P. 112.

⁸⁸ Ibid. P. 114 (Федор Мельник).

⁸⁹ Ibid. P. 102.

⁹⁰ Ibid. P. 102.

⁹¹ Ibid. Pp. 106, 107.

⁹² Ibid. P. 193.

⁹³ Ibid. P. 108.

⁹⁴ Ibid. P. 109-110.

⁹⁵ “until we could get a priest who would stay in our own church” (Ibid. P. 110). Корчинский служил в это время православным священником в поселке Восток.

⁹⁶ Николай Тешковский приехал в Канаду с 400 долларами, но хозяйствовал менее успешно, чем другие переселенцы. Н. Дмытрив отмечает, что Тешковский был человеком немолодым и неграмотным. Его хата была очень бедна. К весне 1897 г. он не сумел купить себе еще никакой новой одежды. Характерная деталь: Тешковский носил длинные волосы, смазывая их маслом (Н. Дмитрів. *Канадйська Русь. Подорожні споми́ни*. С. 40).

⁹⁷ “We asked what he meant by that term, and stated that we were Russian Greek Catholic Orthodox”. Федор Мельник: “Мы сказали ему, что мы – греко-католические православные” (“We told him that we were Greek Catholic Orthodox” – *In the Supreme Court*. P. 114)

зал, что мы, должно быть, были униатами в нашей прежней стране, потому что мы должны были находиться под властью Рима. Мы же ответили ему, что теперь мы в свободной стране, что мы оставили имя ‘униаты’ в старой стране, и что над нами теперь не тяготеет слово ‘обязаны’⁹⁸.

Корчинский спросил собравшихся, что за церковь они построили, выразив сомнение, имеет ли он право служить в ней. Как полагает Феняк, Корчинский опасался, что имеет дело с сектантами. “Мы сказали ему, что построили храм для греческой католической православной церкви, но патент выписан для греко-католической церкви”. Прихожане показали патент Корчинскому и тот ответил: “Этот патент полностью соответствует моей религии; вы – трое доверенных лиц; вам не нужно давать этот патент кому-нибудь еще, и вы можете сохранять свою религию”⁹⁹. По словам Феняка, он понял Корчинского в том смысле, что они имеют право на церковь и могут иметь Корчинского в качестве священника при условии выхода из под власти Рима; если же они сохраняют связь с Римом, ему нечего будет у них делать¹⁰⁰. Все присутствовавшие на встрече, в том числе Петр Мельник и Течковский, “выразили желание видеть Корчинского их священником”.

На вопрос, состоялось ли вслед за тем публичное отречение от Рима, Феняк ответил, что этого не было. Корчинский “спросил нас, хотим ли мы быть униатами и быть под папой Римским, и мы сказали ему, что не хотим”¹⁰¹. По словам Федора Мельника, однажды, еще до первой службы в нашей церкви, часть членов общины, в том числе и Федор, в присутствии общины церкви из Востока, “отреклись от римо-католического учения”. “Корчинский спросил нас, отрекаемся ли мы от папы Римского и его заблуждений, и мы ответили, что отрекаемся. Мы поцеловали Евангелия и крест. После этого он нас исповедовал и причастил”¹⁰².

Сам Корчинский заявлял в своих письменных показаниях на суде, что, обращаясь к греко-католикам Стара, он подчеркивал, что переход в православие не является сменой религии. Переход в православную церковь требует отказа только от некоторых верований, которые противоречат учению греко-православной церкви – а именно от учения о чистилище, о непогрешимости папы и об исхождении Св. Духа от Сына. На вопрос, останутся ли прежними обряды и службы, Корчинский ответил, что останутся¹⁰³.

⁹⁸ “He told us that we must have been “Uniates” in the old country, because we must have belonged under Rome. We told him we were now in a free country, that we left the ‘Uniates’ in the old country, that we [are] not now under ‘must’” (Ibid. P. 106).

⁹⁹ “This patent reads exactly like my own religion; you are the three trustees; you need not give it to any one else; so you can keep your own religion” (Ibid. P. 106). По словам Федора Мельника, Корчинский прочитал в патенте выражение “греко-католическая православная церковь” и сказал, что это то же самое, что и его церковь.

¹⁰⁰ “I understood from this that he was advising us that we had a right to the church, and could have him as priest, provided we did not keep to Rome, but that if we did keep to Rome he would not have anything to do with us” (Ibid. P. 106). “Он сказал нам: “Если вы не будете униатами, и не будете поддерживать связи с Римом, я могу быть вашим священником” (“He said to us: “If you will not be Uniates, and will have nothing to do with Rome, I can be your pastor”. Ibid. Pp. 106,107.).

¹⁰¹ “He asked us if we wanted to be Uniates and to be under the Pope of Rome, and we told him we did not” (Ibid. P. 106).

¹⁰² Ibid. P. 116.

¹⁰³ Ibid. P.219.

Тем не менее после всех этих событий община Стара раскололась¹⁰⁴.

Как мы видим, материалы процесса в Альберте позволяют задаться вопросом: как несколько столетий существования Греко-католической церкви сказались на конфессиональном самосознании деревенского прихода? что значило быть греко-католиком (униатом) в Галиции в конце XIX века? как через 300 лет после заключения Брестской унии прихожане понимали место их церкви между православием и католицизмом? каково было их отношение к Риму, к папе, к Католической церкви? каким было отношение к православию, православной церкви и насколько осознавались различия между двумя главными христианскими вероисповеданиями? как соотносились этнические и конфессионально-религиозные элементы в их взглядах? велика ли была дистанция между религиозной культурой прихожан и взглядами духовенства? и т. д.

Разумеется, один источник не может заменить более репрезентативной выборки данных, но тем не менее он позволяет хотя бы подступиться к поставленным вопросам.

Мотивы обращение к епископу Русской православной церкви

Почему переселенцы из Галиции, греко-католики, в поисках священника решили обратиться к русскому православному епископу, а не во Львов или Станислав к епископам своей церкви? Насколько свободным был сделанный выбор? На вторую часть вопроса ответить просто: абсолютно никакого давления со стороны православных миссий на греко-католиков Альберты не оказывалось. Более того, до обращения к Николаю, епископу Алеутскому и Аляскинскому, у них не было никаких связей с представителями православной церкви.

Отметим, с другой стороны, что связи с Галицией поддерживались. Иван Пылыпив побывал в Манитобе, куда был направлен односельчанами для ознакомления с условиями жизни эмигрантов, вернулся в Галицию, был арестован за призывы переселяться в Америку, после тюремного заключения эмигрировал в Альберту. Львовский архиепископ или станиславский епископ воспринимались как иерархи униатской церкви¹⁰⁵. Тымкевич говорил, что подчинялся львовскому епископу¹⁰⁶. Даже неграмотный Иван Лакуста хорошо знал, что епископ его церкви находился в Станиславе¹⁰⁷. Около 1900 г. П. Зварич написал именно во Львов, прося прислать священника, но не получил ответа¹⁰⁸. Равным образом прихожане отчетливо понимали, что верховным главой Греко-католической церкви был папа Римский. Почему же было решено писать православному епископу?

Антон Совка¹⁰⁹ и братья Немирские свое предложение обосновали тем, “ что он – епископ русский и православный, как и мы”¹¹⁰ Василий Феняк говорил: “ Во

¹⁰⁴ В протоколах содержится перечисление тех, кто поддержал Корчинского, и кто отказался принимать его как священника (Ibid. P. 110).

¹⁰⁵ Федор Мельник: “Я знал, что архиепископ во Львове, глава нашей церкви” (Ibid. P. 116).

¹⁰⁶ Ibid. P. 116.

¹⁰⁷ Ibid. P. 153.

¹⁰⁸ Ibid. P. 182.

¹⁰⁹ Антона Совку Н. Дмитрив характеризует как “ вполне интеллигентного и солидного человека” (Н. Дмитрив. *Канадійска Русь. Подорожні спомини*).

¹¹⁰ “ and that he was an Orthodox Russian (Ruske) Bishop like ourselves (*In the Supreme Court*. P. 100; аналогично – Ibid. P. 103).

время собрания мы все думали, что посылаем за священником таким же, как и мы. На этом собрании мы все думали так, поскольку он не принадлежит к Риму”¹¹¹. Такое объяснение мотивов обращения к епископу Николаю подтверждают и другие участники процесса¹¹². При этом ни разу не говорилось, что к православному владыке решили обратиться по причине отсутствия в Канаде греко-католического епископа. Видно также, что среди галичан были люди, хорошо осведомленные не только о самом факте существования православного епископа в Америке, но и знавшие его адрес¹¹³.

Решение написать письмо к епископу Николай было принято на одном из собраний. Вскоре получен ответ, за которым последовало еще одно письмо и еще один ответ. Ответы датированы 8 января и 5 февраля 1897 г.¹¹⁴

В первом письме епископ писал: “мы радуемся в Боге, что хотя и в чужой стране, вы помните о том, что вы – русские и что вера дана вам Богом. Я введу вас всех в эту благословенную веру, от которой папы и иезуиты стремятся оторвать вас силой и обманом... Сообщите мне, как я могу добраться к вам из Сиэтла, штат Вашингтон, по каким железным дорогам и через какие города... Я прибуду к вам лично, чтобы исповедать всех вас, причастить, крестить детей, совершить обряд венчания, если среди вас есть те, кто хочет вступить в брак. Я люблю ваш народ и соберу вас вокруг себя и расположен к вам всем сердцем как к братьям”. Далее епископ спрашивал о том, кого прихожане Стара хотели видеть своим священником; сколько ему лет? женат ли он? соответствует ли тому, чтобы стать священником – а также о количестве переселенцев, их занятиях, местоположении поселений. В заключение еп. Николай обещал выслать вскоре в Стар “хорошие книги”.

Во втором письме епископ Николай писал, что очень удовлетворен “вашим возвращением к религии ваших предков, православных”, говорил, что собирается после Пасхи прибыть в Сиэтл и потом ехать в Стар. Он просил прочесть посланные книги и подготовить место для богослужения и желательно там, где потом прихожане намерены поставить церковь и сообщал, что православный священник сможет приезжать в Стар 3-4 раза в год из Сиэтла. В заключение письма просил сообщить, сколько семей в Старе, сколько неженатых мужчин хотят перейти в православие, сколько в Старе девушек и сколько времени они собираются пробыть в Америке. Он сообщал также о группе галичан в Пенсильвании, которые решили воссоединиться с Православной церковью¹¹⁵.

Ответы епископа Николая были несколько раз прочитаны на собраниях в присутствии всех колонистов Стара.

Из сказанного видно, во-первых, что обращение к православному епископу в Сан-Франциско было продиктовано не столько обстоятельствами, сложившимися

¹¹¹ Ibid. P. 103.

¹¹² См., например, показания Ивана Галкова: “мы решили послать письмо епископу в Сан-Франциско, епископу Николаю”. На вопрос “какой это епископ”, он ответил – “православный епископ” (Ibid. P. 163).

¹¹³ “Антон Совка и два брата Немирские сказали, что они знают, куда писать ему” (Ibid. P. 100).

¹¹⁴ Копия фрагментов писем от 8 января и 5 февраля 1897 г.: Ibid. Pp. 231-233.

¹¹⁵ Ibid. Pp. 231-234.

в Альберте, сколько религиозным опытом, приобретенным в Галиции; во-вторых, ответы епископа Николая не оставляли никакого сомнения в том, что речь шла о православной церкви, противостоящей Риму.

Свобода вероисповедания как фактор конфессионального выбора

Принципиальное значение, как мы видели, имела атмосфера религиозной свободы. Это ясно видно из того, как принималось решение о строительстве православной церкви и приглашении православного священника. По словам Василя Полюши, дававшего показания по-английски, на собрании в доме Галкова за несколько месяцев перед приездом отца Дмытрива, главным оратором был Антон Совка. “Он сказал нам, что мы теперь – в свободной стране и можем иметь ту церковь, которая нам нравится. Мы решили иметь ту церковь, у которой нет ничего общего с Римом”. Поэтому по совету Совки было решено написать епископу в Сан-Франциско¹¹⁶.

Иван Сачман исповедовался Корчинскому после того, как тот сказал, что “мы подчинялись папе в старой стране. А здесь мы в свободной стране и что нам нет нужды подчиняться папе, если мы этого не хотим”. После этого Сачман публично, перед алтарем отрекся от папы и его заблуждений. То же самое он слышал прежде от отца Александра, которому тоже исповедовался¹¹⁷.

Еще более определенно позиция сторонников православия выражалась тогда, когда они отвечали на конкретные вопросы адвокатов. Например, Иван Лакуста, отвечая на вопрос, почему они решили построить православную церковь, сказал: “потому что мы хотели отделаться от поляков”¹¹⁸.

Михаил Мельник, отвечая, почему было решено строить именно православную церковь, выразился чрезвычайно просто и однозначно: “В старой стране мы были униатами, и когда приехали сюда из старой страны, мы увидели, что можем быть православными – так же, как были наши предки”¹¹⁹. Он же сказал: “Приехав в Канаду мы знали, что мы в свободной стране и можем делать то, что нам нравится”¹²⁰.

Православное самосознание и восточный обряд

Решающую роль сыграло характерное для галичан убеждение, что греко-католики – суть православные.

Особенно отчетливо это выразилось в показаниях неграмотного крестьянина Ивана Лакусты, который прямо отвечал на прямо поставленные вопросы. Его церковь – русская церковь. Он никогда не бывал в России, но знал, что религия России – православие. На вопрос, каково значение слова “православный” он дал очень яркий ответ: “Это значит, что ничего не изменилось по сравнению с тем, как учил Христос”¹²¹. Свою церковь Русины Галиции называли “греко-католической” и это было равнозначно “русской церкви”. Лакуста знал, что их

¹¹⁶ Ibid. P. 142.

¹¹⁷ Ibid. P. 142.

¹¹⁸ “ We decided to do that buisness, because we wanted to get away from the Poliacks “ (Ibid. P. 149)

¹¹⁹ Ibid. P. 175

¹²⁰ Ibid. P. 190

¹²¹ “It means that nothing had changed from the way Christ taught” (Ibid. P. 157).

епископ находится в Станиславе. И “эта же церковь – православная, хотя мы должны были молиться за папу. Здесь [в Канаде] нам нет нужды в этом”. На вопрос, каким образом верующих заставляли молиться за папу, Лакуста ответил: “Священник молился за него, а мы – нет.” Прихожане только присутствовали в церкви и слушали молитву и никогда не протестовали. Вместе с тем, они верили в исхождение Св. Духа от Бога-Сына¹²².

Ответы на вопросы, касающиеся приезда Александрова и Камнева, показывают, что Лакуста отчетливо понимал, что это – православные священники из России и не был этим ничуть смущен. Он также понимал, что они подчиняются не той церковной власти, какой подчинены греко-католики Галиции. Он знал, что Камнев и Александров подчинены Синоду. Отвечая же на вопрос, что понимается под Синодом, Лакуста сказал: “Думаю, это место где все попы встречаются и откуда им платят деньги”¹²³.

Иван Галкив ответил на вопрос, является ли “русинская церковь” православной: “Священник всегда говорил: “Помолимся за всех православных”¹²⁴. Более того, в его сознании сложилось ясное представление о принудительном подчинении Православной церкви Риму. На вопрос, признавала ли эта церковь власть Рима, он ответил: “Прежде эта церковь не подчинялась Риму, но потом они принудили их и подчинили их Риму”¹²⁵. Соответственно, решение построить православную церковь было продиктовано тем, что “мы хотели стать здесь хорошими православными христианами – то есть такими, какими мы были давно в прошлом”¹²⁶. На вопрос, был ли Галкив православным в момент приезда Александрова и Камнева, он ответил: “Я родился православным и был православным, но в Галиции мы должны были быть под Римом”¹²⁷.

Особенности конфессионального самосознания той части прихожан, которые считали себя православными, очень ясно выражена и Михаилом Мельником. Он умел читать, хотя только печатный текст. Как и другие, он считал свою церковь русской, не имеющей ничего общего с поляками. Он сообщал, что в богослужении использовались православные церковные книги (скорее всего киевской печати), которые прятались во время визитов епископа. Львовского епископа Мельник однажды видел, но во время суда утверждал, будто не знал, что тот – глава его церкви. Более того, согласно его показаниям, он не был уверен и в том, что папа – глава всей католической церкви¹²⁸. На вопрос, слышал ли он, что его церковь называется “Греко-католической”, Мельник ответил: “В нашей старой стране в русских книгах можно было прочитать, что наша церковь называется “Греко-католической”¹²⁹. Он

¹²² Ibid. Pp. 157-158.

¹²³ “I think it is a place all the priests meet and are all paid from” (Ibid. Pp. 159-160).

¹²⁴ “The priest said every time, “Pray for all who are Orthodox” (Ibid. P. 163).

¹²⁵ “Not before this Church belonged to Rome but afterwards they forced them and they brought them under Rome” (Ibid. P. 163).

¹²⁶ “Because we wanted to be good Orthodox Christians here; that is what we were long before that” (Ibid. P. 163).

¹²⁷ “I was Orthodox born, I was Orthodox? but we had to be under Rome in Galicia” (Ibid. P. 169).

¹²⁸ Ibid. Pp. 186-189.

¹²⁹ Ibid. P. 189.

признавал, что слышал, как и русины называют его церковь “униатской” и слышал название “униаты”. Но на вопрос, что это значило, Мельник ответил, что “не знает, что это значит”. Однако он сумел ответить на вопрос, что слово “униаты” значило для тех, кто его употреблял: “Они говорили так, потому что наши предки все были русскими, а потом через какое-то время мы были подчинены Риму и были объединены с Римом”¹³⁰. Дальнейшие показания заслуживают еще более пространного цитирования.

Вопрос: итак, Вы понимаете, что слово “униат” означает “объединенный с Римом”? Ответ: Да. Вопрос: Это относилось к Вашей собственной церкви. Ответ: Да, мы должны были подчиняться папе. Вопрос: Во время Вашей жизни в Галиции возражали ли Вы когда-нибудь против молитв за папу или против того, чтобы слушать такие молитвы? Ответ: “Я прочитал об этом в книге”... Вопрос: И Вы прочитали в книге, что вы должны подчиняться папе римскому? Ответ: Да. Вопрос: Но разве не отец Александров был первым, кто внушил вам, что Вы не должны [подчиняться папе]? Ответ: Нет, когда мы приехали в Канаду, мы знали, что мы в свободной стране и можем делать то, что нам нравится. Вопрос: И Вы приехали сюда с полной решимостью не иметь ничего общего с Римской церковью? Ответ: Когда мы приехали сюда, у нас было ясное намерение не иметь дела с римской церковью¹³¹.

Даже когда Мельник присутствовал на службе епископа Легалья, он считал, что это не служба и, якобы, не видел, как тот давал благословение собравшимся.

Еще один фрагмент из показаний Михаила Мельника заслуживает особого внимания. Он, как и другие, подтвердил, что в 1897 г. община собиралась построить “православную греко-католическую церковь”.

В.: Что Вы понимаете под словом “православная”? О.: В нашей старой стране священник говорит, что мы все – православные; во время служб в Галиции священник говорит: “молитесь за всех православных христиан”. В.: И в Вашем понимании это резон, чтобы называть самих себя православными? О.: Да. В.: Знаете ли Вы к какой церкви вы принадлежите теперь? О.: Да. В.: Как называется эта церковь? О.: Православная церковь. В.: Какая православная церковь? Ведь есть 20 православных церквей? О.: Мы принадлежим к церкви, к которой папа не имеет никакого отношения. В.: Разве вы добропорядочный пресвитерианец или баптист – ведь и к ним папа не имеет никакого отношения? О.: Я знаю, что я принадлежу к русской православной церкви. В.: И Вы принадлежали к ней и в Галиции, Вы говорите? О.: В нашей старой стране мы должны были находиться под папой. В.: Но Вы все равно были православными? О.: Да. В.: Знаете ли Вы, кто глава вашей церкви? О.: Иисус Христос. В.: Я имею в виду главу [церкви] на земле? О.: Старшие священники [“the older priests”]. В.: В какой же стране они живут? О.: Я не знаю – наш старший глава находится в Штатах. В.: А есть кто-либо над ним? О.: Я не знаю. В.: Знаете ли Вы где живет глава церкви? О.: Мистер Феняк сказал, что он живет в месте, которое называется Священный синод, но где это, он не знает. В.: А Вы знаете? Я слышал, что где-то есть кто-то

¹³⁰ “It was call this because our forefathers were all Russians, and then after a while we were put in the force of Rome and we were united with Rome” (Ibid. P. 189).

¹³¹ Ibid. P. 189-190.

старший над этим человеком (православным епископом в Америке. – *М. Д.*), но я не знаю где¹³².

Николай Полюши, который не умел ни читать, ни писать, утверждал, что “не знал ничего об униатской церкви в Галиции”. “Я называю мою церковь в Галиции православной, потому что священник употребляет слово православные перед словом “христиане”, когда поднимает гостию во время литургии”. Он говорил, что “не знает, какое слово в английском означает “православный”. Я слышал слово Orthodox, но не знал, что оно означает “православный””¹³³.

Всё это, однако, не означало, что считавшие себя православными, полагали невозможным быть членами прежней, греко-католической, униатской церкви. Они не видели в этом никакого противоречия и были убеждены, что не меняли религии. Более того, некоторые из них, как, например, Михаил Ковда, считали себя по-прежнему униатами, собирались ими оставаться. Он сказал, что ходит и в православную, и в католическую церковь, но знает при этом, кто он¹³⁴.

Конечно, обращаясь к показаниям переселенцев Стара о их собственных религиозных воззрениях и религиозном опыте, нужно иметь виду, что некоторые формулировки и идеи могли сформироваться уже в эмиграции – под влиянием общения с Александровым, Камневым и Корчинским. Эта оговорка может касаться выражений о возвращении к “вере предков”, о насильственном подчинении “русской” церкви в Галиции Риму. Но они никак не касаются существа заявленной прихожанами позиции – то есть уверенности в том, что они – православные, что быть православным и греко-католиком – это одно и то же; что православная греко-католическая церковь противостоит римо-католической и не должна подчиняться папе римскому.

Уверенность галицийских переселенцев в том, что их церковь и есть православная церковь, подтверждалась опытом участия в службах, отправлявшихся греко-католическими священниками Нестором Дмытривым, Павлом Тымкевичем, Иваном Жаклинским и православными Александровым, Камневым и Корчинским.

Присмотримся, например, к показаниям Федора Мельника. Первая служба, на которой он побывал в Канаде, была служба отца Дмытрива. Федор Мельник считал правильным пойти на эту службу, потому что Дмытрив сказал, что он – православный священник. Его служба была такой же, как в Галиции¹³⁵. Но он не произносил молитвы за папу Римского, какую произносили в Галиции. “Отец Дмытрив сказал нам, что он – не принадлежит к римской церкви”¹³⁶.

Федор Мельник побывал и на службе Легая, слышал, что тот – римо-католический епископ¹³⁷. Он узнал от других, что скоро приедут “русские священники” и когда шел на службу Александрова, думал, “что идет слушать священника моей

¹³² Ibid. Pp. 194-195.

¹³³ Ibid. P. 225.

¹³⁴ “I went to every church, but I know what I am. I go to the Pravoslavni Church and I go to the Catholic Church” (Ibid. P. 203).

¹³⁵ Ibid. P. 115.

¹³⁶ Ibid. P. 117.

¹³⁷ Ibid. P. 115.

собственной церкви¹³⁸. Никто не сказал Мельнику, что отец Александров и отец Дмытрив были священниками разных церквей. Когда Александров уехал, “первое время я полностью верил, что он и отец Дмытрив оба были священниками церкви, к которой я принадлежал в Галиции. Насколько я могу судить, вся община верила в то же самое, потому что они оба сказали, что они – православные”¹³⁹ Ивану Пылыпиву. Про Александрова и Камнева достаточно было знать, что они “принадлежат к греко-католической церкви не под властью Рима”¹⁴⁰. Иван Сачман исповедовался Александрову, думая, что “он – священник моей церкви”. Священником той же церкви он считал и отца Нестора Дмытрива¹⁴¹.

По словам Федора Мельника, Жаклинский после первой службы в церкви сказал: “Наша религия происходит от восточно-православной. Западная церковь нас не касается, мы не имеем с ней ничего общего”¹⁴². Когда принималось решение строить церковь, имелось в виду, что “мы будем строить русскую православную церковь”¹⁴³. “Мы строили православную церковь... потому что во время службы Александрова около Немирского мы согласились, что будем строить православную церковь”¹⁴⁴. Михаил Мельник: обращаясь за патентом, мы заявили, что “хотим разрешения на строительство православной церкви”¹⁴⁵. М. Полюши – “мы решили построить греческую православную церковь”¹⁴⁶.

Отношение другого основателя православной общины, Василя Феняка к отцу Дмытриву определялось тем, что он предполагал в нем священника “своей” церкви. Дмытрив прибыл в Стар без чьего-либо приглашения и сказал, что он – “русский греко-католический православный священник” и “говорил тем же языком, что и мы”¹⁴⁷. По словам Феняка община не возражала против служб Дмытрива во время его второго визита в Стар “потому что мы думали, что он и отец Александров

¹³⁸ Ibid. P. 115.

¹³⁹ Ibid. P. 116.

¹⁴⁰ Ibid. P. 135.

¹⁴¹ Ibid. Pp. 141-142.

¹⁴² “Our religion comes from the Eastern Orthodox. The Western Church does not concern us; we have nothing to do with it” (Ibid. P. 114).

¹⁴³ Ibid. P. 110.

¹⁴⁴ Ibid. P. 111.

¹⁴⁵ Ibid. P. 178; он же сказал, что переселенцы собирались строить “православную греко-католическую церковь” (Ibid. P.194).

¹⁴⁶ Ibid. P. 126. Чуть ниже тот же Полюши утверждал: “We agreed there to build a Greek Catholic Orthodox Church” (Ibid. P. 127). Галков: собрав деньги, “мы могли построить православную церковь” (Ibid. P. 166). Иван Пылыпив выражался так: Во время встречи в доме Галкова мы решили построить церковь, которая не была бы под Римом; мы хотели иметь священника греческой православной церкви, который был бы православным греко-католиком” (Ibid. P. 130). В протоколе содержится и буквально такая формулировка: “be of the Greek Orthodox Church – ‘GRAECO KATOLESKI PRAVOSLAVNI’ (Ibid. P. 130); последние слова выделены прописными буквами в тексте; ниже на той же странице они повторены. “Мы решили, что наша церковь должна быть православной греко-католической” (Ibid. P. 131). Иван Сачман: “Церковь, которую мы решили строить, была греко-католическая православная” (Ibid. P. 140). Михаил Мельник: “Мы образовали русскую православную церковную общину (“We organized a Russian-Orthodox church”. Ibid. P. 177).

¹⁴⁷ Ibid. P. 104.

принадлежали к одной и той же церкви, то есть к той, к какой и я принадлежал в Галиции”¹⁴⁸. “Службы, которые здесь отправлял отец Дмытрив, были такими же, к каким я привык в Галиции. Я могу [сказать] то же самое о службах отца Тымкевича и отца Жаклинского...”¹⁴⁹ Когда приехал Дмытрив, он сказал, что “он – православный греко-католик” и что не имеет ничего общего с папой Римским. Он велел ничего не брать от римо-католической церкви¹⁵⁰. Пылыпив был “совершенно уверен”, что Дмытрив принадлежит к той же церкви, что он сам в Галиции¹⁵¹.

Иван Пылыпив подчеркивал, что бывая в Буковине (то есть среди православных), он видел, что православные обряды там – такие же как и в Галиции¹⁵².

Когда Ивана Сачмана спросили, почему он решил переменить религию, он ответил, что включение в русскую церковь не является переменной религии. “Я думал, что церковь, которую мы обретаем, та же самая, к какой я принадлежал в Галиции”¹⁵³.

Даже приезд “французского епископа” и их совместное богослужение с отцом Дмытривым не заставили Феняка “ни на минуту” подумать, что “отец Дмытрив имеет какие бы то ни было связи с Римом”. Про себя Феняк говорил: “Я не хотел иметь что-либо общее с Римом”¹⁵⁴. Когда в Старе появился Жаклинский, “он сказал нам, что принадлежит к восточной церкви и что он – греко-католический православный священник”¹⁵⁵. Когда приехал Жаклинский, он сказал, что “принадлежит к греческой католической православной церкви восточной церкви”¹⁵⁶. Когда Жаклинский предложил обратиться к епископу Легалю с просьбой о 300 долларах для окончания строительства, “мы заключили, что он – не подходящий для нас человек, раз он хочет послать нас к римо-католическому епископу”¹⁵⁷. Федор Мельник сказал о том же: “Это нам открыло глаза на факт, что он тянул нас в латинскую церковь”¹⁵⁸.

Характерной деталью в отношении Феняка к католицизму было то, что он крестил двух своих детей в Католической церкви, потому что других вокруг не было. Первый ребенок умер и похоронен на католическом кладбище. Второй был даже перекрещен Феняком, когда появился Дмытрив¹⁵⁹.

¹⁴⁸ Ibid P. 102.

¹⁴⁹ Ibid. P. 103.

¹⁵⁰ Ibid. Pp. 127, 129.

¹⁵¹ Ibid. P. 136.

¹⁵² Ibid. Pp. 130, 136.

¹⁵³ “There is no change in the Russian Church. I thought that the church we were getting was the same that I belonged to in Galicia” (Ibid. P. 141).

¹⁵⁴ “I disliked having anything to do with Rome” (Ibid. P. 104).

¹⁵⁵ Ibid. P. 101.

¹⁵⁶ Ibid. P. 126.

¹⁵⁷ Ibid. P. 102.

¹⁵⁸ “This opened our eyes to the fact that he was pulling us to the Latin Church” (Ibid. P. 114).

¹⁵⁹ Ibid. P. 105. Стоит обратить внимание, что народный взгляд на соотношении греко-католической религии и православия отличался от “книжного”. Например, Дон Фар, немец-лютеранин, эмигрировавший тоже из Галиции, заверяет, что никогда не слышал слова “православный” в отношении “греческой рутенской церкви” в Галиции и о православной церкви в Галиции. (Ibid. P. 133).

Язык и сведения о России

Православное самосознание части галицийских украинцев подкреплялось сведениями о Русской православной церкви и опытом знакомства с ней. Характерна в этом отношении позиция Спачинского, который первоначально был одним из самых активных деятелей возникшей православной общины, а затем встал на сторону Жаклинского.

По словам Федора Мельника, Спачинский приехал зимой после того, как было принято решение о строительстве церкви, и “он был одним из тех, кто решительно выступал за присоединение к православной церкви. Он говорил, что хочет этого, потому что знает, что происходит в Галиции. Он сказал нам, что ходил в паломничество в Россию¹⁶⁰, и что там их службы были очень хороши”¹⁶¹. Спачинский же попросил у Александра служебник, получил и сказал, что в их церквях церковные книги – из Почаева и Киева. “Он сказал мне, что знает много об этих местах как о знаменитых центрах для русских паломников (“as being remarkable for Russian Pilgrims”). Он также сказал, что много рассказывал своим соотечественникам об этих местах, их монастырях и церквях”¹⁶².

По словам Феняка, он плохо понимал то, что говорил о. Камнев, но хорошо – Александра, потому что “не было разницы между тем как он говорил, и как я”¹⁶³. Федор Мельник утверждал (путая, вероятно, имена Камнева и Александра): “Я мог понимать, что отец Камнев говорил в своей речи. Его язык был немного отличным от нашего, но мы могли понимать его”¹⁶⁴. Иван Галкив не только заявил суду, что может легко читать по-русски, но продемонстрировал это¹⁶⁵. На вопрос адвоката истцов Макдональда: “Разве не факт, что Вы не можете понимать человека, говорящего по-великорусски?”, Галкив ответил: “Почему бы я не понял его?” и утверждал, что только неграмотный не поймет человека из Петербурга или Москвы¹⁶⁶. При этом он учился только в деревенской школе и в ответ на несколько недоуменные вопросы Макдональда подчеркнул, что это позволило ему читать и понимать по-русски (“по-великорусски”)¹⁶⁷. Отвечая на вопросы адвоката Шорта, Галкив сказал, что может читать по-русски без затруднений, понимает каждое слово и что его соотечественники, которым читают русский текст, могут понимать его¹⁶⁸.

¹⁶⁰ Скорее всего имелся в виду Киев.

¹⁶¹ Ibid. P. 111.

¹⁶² Ibid. P. 119; о паломничестве галичан в Киев говорит и Корчинский (Ibid. P. 63).

¹⁶³ Ibid. P. 105.

¹⁶⁴ “His talk was a little different from ours, but we could understand it” (Ibid. P. 116).

¹⁶⁵ Ibid. P. 170.

¹⁶⁶ “Q.: Is it not a fact that you cannot understand a man speaking in Great Russian? A.: Why wouldn't I understand it?”. Q.: Is it not a fact that you and a man from Petersburg or Moscow cannot altogether understand one another? A.: If a fellow did not go to school he could not, but I can” (Ibid. P. 169-170).

¹⁶⁷ Ibid. P. 170.

¹⁶⁸ Ibid. P. 173; очень сходные показания дал Михайло Ковда (Ibid. P. 198-202). Иван Пыльпив, однако, говорил, что не может прочесть написанное по-русски (Ibid. P. 133); видимо, как и в случае М. Мельника (Ibid. P. 189) речь шла о текстах, написанных от руки, а не о печатных книгах).

Доктринальные вопросы, отношение к папе и Римо-католической церкви

По мнению Александрова догматические расхождения между католицизмом и православием были малопонятны галицийцам; единственное, что имело большое значение – догмат о примате папы, “который вызывал их сильные нарекания”¹⁶⁹.

Однако согласно рассказу Василя Феняка, немалое значение в решении вопроса о церковной юрисдикции имело и отсутствие *filioque* в православном символе веры. Первым человеком, который объяснил Феняку взгляд православной церкви на проблему исхождения Святого Духа, был отец Александров. Когда он приехал в Стар во второй раз, “он сказал мне, что Св. Дух исходит от Отца через сына”. После этого Феняк посещал службы Дмытрива, Тымкевича и Жаклинского, которые читали символ так же, как в Галиции, то есть с прибавлением *filioque*. Однако Феняк ни разу не вступал в дискуссии по этому поводу¹⁷⁰. Он, хорошо зная порядок богослужения, констатировал, что службы Дмытрива, Тымкевича, Жаклинского и Александрова были в целом одинаковы, с той лишь разницей, что в службе Александрова не было *filioque*. Объясненный Александровым православный догмат, по отзыву Феняка, совпадал с тайными убеждениями части галицийских верующих. “Мы верили в это, потому что есть только один Дух Святой, а не два”¹⁷¹.

Николай Полюши, хотя и был безграмотным, говорил, что “знает в чем его вера: Св. Дух исходит только от Бога-Отца”¹⁷².

Невозможно отрицать, что многие из галичан – даже духовенство – были враждебны Риму, католицизму или, по крайней мере, католическому духовенству. Как мы видели, враждебное отношение к римо-католическому епископу Альберты подтверждено материалами процесса многократно¹⁷³. Приведем один из самых выразительных примеров. Когда Тымкевичу рассказали о визите епископа и его обещаниях, Тымкевич, по словам Феняка, заявил: “Если вы возьмете хотя бы пять центов от римо-католического епископа, чтобы построить эту греко-католическую православную церковь, я не останусь с вами ни часу”¹⁷⁴. “Он сказал нам, что французский епископ (так называли Легалья в Альберте. – М. Д.) – римо-католик, а мы – нет”¹⁷⁵.

Феняк утверждал, что в службах всех четырех священников “я не слышал ни одной молитвы за папу римского”¹⁷⁶.

Понятие “греко-католики” эта часть прихожан отличала от понятия “униаты”. Корчинский, по словам Полюши, прочитав патент, понял, что мы греко-католики, как и он; однако, когда Кочинский сказал прихожанам: “Вы – униаты”, они ответили: “Мы оставили униатство в Галиции”¹⁷⁷.

¹⁶⁹ “which they very strongly object to” (Ibid. P. 122).

¹⁷⁰ Ibid. P. 103.

¹⁷¹ “We believed it because there is only one Ghost not two” (Ibid. P. 105)

¹⁷² “I know my creed. The Holy Ghost proceeds from the Holy Ghost [sic!], the Father only.” В Галиции он читал символ с добавлением формулы “от сына”, но отец Александров объяснил ему, что это неверно (Ibid. P. 225).

¹⁷³ Например: Ibid. P. 132.

¹⁷⁴ Ibid. P. 101.

¹⁷⁵ Ibid. P. 101.

¹⁷⁶ Ibid. P. 105.

¹⁷⁷ “We left the Uniates in Galicia” (Ibid. P. 127).

Религиозное самосознание прихожан Стара, оставшихся в греко-католической церкви

Раскол среди переселившихся в Альберту греко-католиков показал, что охарактеризованный выше тип конфессионального самосознания был присущ лишь части галичан. “По другую сторону баррикад” остались те, кто твердо связывал свою веру с подчинением папе и принадлежностью к католической церкви. Между этими двумя полюсами находилась, судя по всему, основная масса переселенцев (и, оставшихся на родине украинцев Галиции), чье конфессионально-церковное сознание не приобрело отчетливых форм. Что можно сказать на основе нашего источника о религиозных убеждениях и представлениях этой части греко-католиков?

Николай Спачинский¹⁷⁸, который первоначально заявил о себе как о стороннике именно Православной церкви, а потом переменял позицию, говорил, что принадлежал в Галиции к Греко-католической церкви. Он утверждал также, что и в Канаде и в Галиции посещал иногда католическую церковь¹⁷⁹. “Членов нашей церкви люди других национальностей называют униатами, но мы сами себя так не называем”¹⁸⁰. Но вот Иван Мельник подчеркивал в своих показаниях, что он – именно униат¹⁸¹.

Прибывших в Стар православных священников (Камнева и Александрова), по словам Спачинского, “мы называли схизматиками”¹⁸², чему, правда, трудно поверить, поскольку противоречивость показаний Спачинского очевидна¹⁸³. Он утверждает, что не мог следить за службой, потому что она была на великорусском, “а я его не знаю”¹⁸⁴.

¹⁷⁸ О себе Спачинский говорил так: “Я – русский, то есть то, что называют малоросс” из Бучачского повета (Ibid. P. 20). Себя называл греко-католиком, и говорил, что “мы все принадлежим к восточной церкви” (Ibid. P. 29). Галичане, как и жители русской части Украины, по его убеждению, малороссы. “I call the Galicians “Little Russians”... The Galicians and the people of the Ukraine in Russia are the Little Russians” (Ibid. P. 31). Но вот православные из Буковины в число малороссов уже не входят.

¹⁷⁹ Ibid. Pp. 32, 33.

¹⁸⁰ Ibid. P. 20.

¹⁸¹ “I belong to the Greek Catholic Uniate Church” (*In the Supreme Court*. P. 35) “The defendant Polushie and Pilipiw asked me to join their church, the Orthodox Prawoslawni. I answered that I had my religion the Greek Catholic Uniate” (Ibid. P. 37).

¹⁸² Ibid. P. 23. Учитывая другие данные нашего источника, нужно думать, что так на православных священников могла смотреть лишь часть галицийских переселенцев.

¹⁸³ Скорее всего вымыслом было утверждение Спачинского о том, что в службе Камнева была молитва за царя и его семью. Когда Камнев предложил присоединиться к его церкви, Спачинский, якобы, заявил: “Why do I want to join when we have our own King here to pray for” (Ibid. P. 33). Он утверждал также, вопреки показаниям других участников процесса, что никогда не соглашался присоединиться к греко-православной церкви и что М. Полюший был сильно настроен против православной церкви (Ibid. P. 33), хотя показания самого Полюшего убеждают в обратном. Показания Спачинского о “французском епископе” Легале также отличаются от того, что говорилось другими участниками процесса: после совершения богослужения Легаль собрал верующих будто бы в доме Василия и Михаила Полюши; там говорилось о строительстве церкви; галичане, якобы, просили епископа найти место для ее строительства. Легаль, со своей стороны, обещал, что напишет во Львов, чтобы прислали священника (Ibid. P. 24). Кроме того, по рассказу Спачинского получается, что Легаль сначала приехал один, совершил службу и собрание и только потом, осенью – приехал вместе с Дмытривым.

¹⁸⁴ Ibid. P. 24. На самом деле служба шла по-церковнославянски. Спачинский же, как мы видели, попросил несколько книг у отца Александрова.

Петр Мельник¹⁸⁵, который не умел ни читать, ни писать, сказал, что называет свою церковь греко-католической и униатской. Папа римский – ее глава¹⁸⁶. Соответственно, он не был против того, чтобы католический французский епископ “держал наши земли”, но “вся конгрегация, кроме римо-католиков, не хотела, чтобы римо-католический епископ имел бы что-то общее с нами”¹⁸⁷. Петр Мельник показывал также, что не знает о Русской православной церкви и не знает, “соответствует ли она моей религии”¹⁸⁸. Михаил Ковда из Перемышля, грамотный и хорошо знавший русский язык, считал себя также именно “униатом”, утверждал, что и другие так себя называют, и не собирался уходить из “униатской” церкви¹⁸⁹. В коллективном письме к Жаклинскому подписавшиеся также назвали себя униатами¹⁹⁰.

Иван Воркун¹⁹¹ бывал на службах Александрова и Корчинского. Сам он в Галиции иногда ходил в католический костел, но никогда там не причащался, и другие русины (“рутены”) там никогда не причащались, хотя “все рутены принадлежали к греко-католической церкви”. “Я не присоединился к церкви отца Корчинского. Я остаюсь греко-католиком”¹⁹². Иван Глушак показал, что в Небылях он принадлежал к Греко-католической церкви, прежде эмиграции в Канаду ничего не знал о церкви в России; знал только, что в Галиции есть две церкви: Греко-католическая и Римо-католическая¹⁹³.

Павло Пасемко, не умевший ни писать, ни читать, говорил, что знает, что его церковь подчинена римскому папе и ничего не знает о церкви Корчинского¹⁹⁴. Но он же утверждал, что члены его церкви никогда не называли себя униатами, а свою “руську церковь” – униатской¹⁹⁵. В его отзывах о Пилипиве и Федоре Мельнике ясно слышна враждебность к православию¹⁹⁶.

¹⁸⁵ Петр Мельник – родом из села Пиригинское, которое находилось рядом с Небылями; он знал всех, кто жил в Небылях. (Ibid. P. 39).

¹⁸⁶ “I call my Church “The Greek Catholic church”. “The Pope of Rome is the head of my Church” (Ibid. Pp. 42-43). То же самое он утверждал в специальном письменном заявлении (“I belong to Rome. The Pope is the spiritual head of my church. My church is known as Uniate Church. I don’t know the belief of father Korchynsky’s church”. Ibid. P. 210).

¹⁸⁷ Ibid. P. 210.

¹⁸⁸ Ibid. P. 44.

¹⁸⁹ Ibid. P.198-202.

¹⁹⁰ Ibid. P. 217.

¹⁹¹ Александров показывал, что знает его с первого визита, потому что Воркун пригласил их с Камневым в Раббит Хиллс, где они провели службу. Воркун принимал это хорошо, священники читали проповедь, Воркун активно участвовал в создании конгрегации, говорил, что верит в ту же церковь, что и церковь русских миссионеров. Но, как признавал Александров, присоединение Воркуна к Русской православной церкви оказалось лишь формальным (Ibid. P. 121).

¹⁹² Ibid. P.47.

¹⁹³ Ibid. P. 48.

¹⁹⁴ “I don’t know whether his church is the same as mine or not. I don’t know what is the belief of his church” (Ibid. P.210).

¹⁹⁵ “We called our Church “The Russian Church”. We never called our Church the Uniate Church. We never call ourselves Uniates” (Ibid. P. 55).

¹⁹⁶ Он считал, что Иван Пилипив и Федор Мельник обманули прихожан, сказав, что хотят строить греко-католическую церковь. Они говорили: “Мы – той же религии, что и вы”. Но есть, по

Из всего этого видно, что часть (насколько значительная, сказать трудно и скорее всего невозможно) галицийских эмигрантов прибывала в Америку со стойким и твердым убеждением в глубоких отличиях униатской церкви от православной. Наличие в Канаде греко-католического духовенства и сложившихся церковных структур застраховывало эту часть переселенцев от серьезных сомнений. Если же они и разрывали с греко-католической церковью, то это происходило, видимо, чаще всего вследствие внерелигиозных обстоятельств и побуждений.

Характерен в этом отношении пример Ивана Гуменюка¹⁹⁷. На пути в Канаду, во время остановки в Вене, он и его спутники захотели посетить известную церковь Св. Варвары, о которой они прежде “много слышали”. По ошибке они зашли в православный храм и “серьезно забеспокоились”, когда увидели, что священник был бородатым, поскольку знали, “что бороды носят только православные священники. Получалось, что церковь эта была не греко-католической, а православной. А, как мы слышали от наших греко-католических священников, даже встречаться с православными “схизматиками”, а не то, что слушать их богослужение, было большим грехом. И мы вышли из церкви еще быстрее, чем вошли. Входили мы в церковь с радостью, а убегали из неё со страхом”¹⁹⁸. Из других фрагментов воспоминаний видно, что автор и круг эмигрантов, в который он входил, были очень привязаны к греко-католической церкви и придавали большое значение унии с Римом. И тем не менее, и Гуменюк, и члены возглавляемого им общества “Просвіта” в Форт Вильямсе в 1917–1918 гг. вышли из греко-католической церкви и позднее присоединились к украинской православной церкви. Первые зерна сомнений были посеяны некоторыми “недостойными” греко-католическими священниками, один из которых вообще оказался самозванцем¹⁹⁹. Разрыв же произошел тогда, когда священник Крупа в соответствии с тогдашними установками церковной униатской иерархии, потребовал чтобы на имя церковной корпорации был записана не только церковь, но и имущество общества “Просвіта”. Прихожане-члены общества отказались на это пойти. О. Крупа создал конкурирующее просветительское общество “Заря”. В ответ на это члены “Просвіти” порвали с Греко-католической церковью²⁰⁰. Как пишет И. Гуменюк, “приведенные факты были характерны не только для нашего района. То же самое происходило тогда во всей Канаде. Поведение и тактика некоторых тогдашних греко-католических священников, а также и самого епископа Н. Будки, отталкивали сознательных украинцев от католической церкви”. Причину конфликта он усматривает в том, что церковь не желала признавать права

словам Пасемко, и другие – “криво-славные или цари-славные, который восславляют царя, тогда как мы – греко-католики под властью папы Римского” (Ibid. P.54). Соседи объяснили мне, что православные – не истинные почитатели Бога (Ibid. P. 54).

¹⁹⁷ Иван Гуменюк стал в Канаде предпринимателем средней руки и был одним из организаторов культурно-просветительских учреждений украинской эмиграции, в частности, общества “Просвіта” (И. Гуменюк. *Мої спомини [до розвитку організованого життя українців у східній Канаді]*. Торонто, 1957).

¹⁹⁸ И. Гуменюк. *Мої спомини*. С. 10-11.

¹⁹⁹ Там же. С. 15-16.

²⁰⁰ Там же. С. 25-26.

мирян самостоятельно руководить связанными с церковью светскими культурно-просветительными учреждениями²⁰¹.

Даже из этого изолированного, но очень типичного (судя по тому, что известно о церковной истории украинской эмиграции в Канаде и США) примера, видно, что характер конфликта был совсем иным, чем в Старе на рубеже веков. “Сознательные” греко-католики типа Ивана Гуменюка совсем не похожи на “униатов” типа Василя Феняка или Ивана Пылыпива.

Таким образом, история греко-католиков и православных на североамериканском континенте помогает нам увидеть в долгосрочной перспективе (“la longue durée”) самые отдаленные последствия того религиозного размежевания, начало которому положила Брестская уния.

* * *

Свидетельства о том, что произошло среди галицийских эмигрантов Альберты на рубеже XIX и XX веков, показывают, что принципиальное значение для принятия решения о создании православной общины имели три обстоятельства. Во-первых, обретенная свобода, которая позволяла не скрывать религиозных взглядов и сомнений и – более того – побуждала к тому, чтобы глубже и отчетливее разобраться в этих взглядах и сомнениях. Во-вторых, “православное” самосознание, которое в религиозных убеждениях ряда униатов было тождественно греко-католическому самосознанию (при том, что греко-католики отчетливо противопоставляли себя католикам) и было теснейшим образом связано со спецификой богослужения в униатской церкви. В-третьих, обнаруженная галицийскими греко-католиками идентичность их обрядов и обрядов Русской православной церкви и близость двух языков. Наконец, в какой-то степени и догматический вопрос об исхождении Св. Духа стал причиной отказа от подчинения Риму. Пример общины в Старе показывает, что причины перехода в православие никак не сводятся ни к реакции на латинизацию духовенства²⁰², ни к имущественным спорам, ни к борьбе за право управлять общиной.

Каковы были особенности конфессионального самосознания части этих “православных греко-католиков” какими они себя считали?

Видно, что их религиозная самоидентификация основывалась на нескольких стойких убеждениях. Во-первых, считая себя “православными греко-католиками”, они не считали себя униатами, то есть не считали, что быть греко-католиком значит подчиняться церковной власти Рима и признавать высший авторитет папы. Таким образом понятие “греко-католик” и “греко-католический” противостояло понятию “римо-католик” и “римо-католическое”. Более того – отказ от всего, что связывало их с римским католицизмом был базовой посылкой их самосознания; быть православным и русином значило не быть в подчинении у папы; русский православный епископ в Сан-Франциско воспринимался как “свой” уже только потому, что не

²⁰¹ Там же. С. 28.

²⁰² Ср.: W. Lencyk. The Ukrainian Catholic Church abroad // *Ukraine. A Concise Encyclopaedia*. Vol. 2. P. 200 (“The Latinization of the clergy also led some Greek Catholics to embrace Russian Orthodoxy”).

подчинился Риму и называл себя православным. Во-вторых, греко-католическая самоидентификация парадоксальным образом не противоречила православному самосознанию; в понятии “православный греко-католик” с точки зрения этой группы галичан не заключалось противоречия. Они считали себя православными в такой же степени в какой и греко-католиками. В-третьих, понятие “православный греко-католик” (но не униат!) было неразрывно связано с понятием “русский” (“руський”), “русин”. При этом конфессиональный компонент безусловно доминировал над этническим. Они были православными и потому – русскими; все неправославные – непременно нерусские. Однако это представление о русском почти никак не было связано с русским самосознанием велирусов или малороссиян. В-четвертых, в сознании этой группы галицийских униатов присутствовало прочное убеждение, что вера их предков – православие и что власть Рима распространена на них насильственно. Эту веру они по многим параметрам – и прежде всего по характеру богослужения – противопоставляли вере “римо-католиков”, отождествляемой с религией поляков.